

18+

ГДЕ НЕ БЪЁТСЯ СЕРДЦЕ

КНИГА III
ВЛАСТЬ ОКОВ

— АВТОР —
НАДЕЖДА ШЕСТАКОВА

Надежда Шестакова

Власть оков

«Издательские решения»

Шестакова Н.

Власть оков / Н. Шестакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-698094-5

Её не сломали сразу. Её ломали медленно, стирая границы между тем, кем она была, и тем, во что её пытались превратить. Оказавшись в руках Совета дампинов, Виолетта лишилась всего и стала инструментом. Но они ошиблись. Тьма внутри неё оказалась сильнее их власти, приняла её и изменила. Теперь она возвращается за расплатой. Но есть те, кто готов рискнуть всем, чтобы вернуть её. Среди них Кольт — тот, кто не имеет права отпустить её снова. Совет держит мир в оковах, но даже они дают трещину.

ISBN 978-5-00-698094-5

© Шестакова Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	26
Глава пятая	35
Глава шестая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Власть оков

Надежда Шестакова

© Надежда Шестакова, 2026

ISBN 978-5-0069-8094-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Где не бьётся сердце
Книга третья. Власть оков

Надежда Шестакова

Аннотация

Её не сломали сразу. Её ломали медленно, шаг за шагом стирая границы между тем, кем она была, и тем, во что её пытались превратить.

Когда Виолетта оказалась в руках Совета дампиров, у неё отняли всё: свободу, имя, право выбирать. Её сделали инструментом, телом, через которое можно проверять пределы и подчинять то, что не должно подчиняться.

Её силу изучали, а страх пытались превратить в механизм. Они не сомневались, что она сломается. Это было лишь вопросом времени. Но они не учли главного. То, что жило внутри неё, не поддавалось контролю.

Тьма оказалась глубже их власти.

Она не уничтожила Виолетту, она откликнулась, приняла её и изменила изнутри, превращая боль в силу, а страх в оружие. Там, где они ждали жертву, рождалось то, чего они сами боялись.

Теперь Виолетта возвращается не ради побега.

Она возвращается за расплатой.

И всё же даже тьма не способна стереть всё. За пределами Совета остаются те, кто помнит её и готов рискнуть всем, чтобы вытащить её, даже если это значит столкнуться с тем, во что она превратилась.

Среди них Кольт, вампир, который однажды уже отпустил её и теперь понимает, что не имеет права сделать это снова. Он знает, чем это заканчивается, и потому идёт за ней до конца, даже если цена окажется выше, чем он готов заплатить. Потому что иногда, чтобы спасти, приходится переступить черту.

Совет держит мир в оковах, построенных на страхе и подчинении. Но даже самые прочные оковы дают трещину. И тогда станет ясно, кто опаснее: те, кто создал эту власть, или та, кто сумела вырваться.

Виолетта больше не принадлежит прежнему миру. Но и новый мир может не выдержать её. Потому что самая страшная борьба разворачивается не снаружи, а внутри.

И настоящие оковы не на руках. Они в выборе. И цена этого выбора — жизнь, сила или то, что от неё останется.

Глава первая

Забытье — состояние, когда ты будто существуешь в собственном мире: в своём сознании, в своей тишине. И всё, что происходит за его пределами, теряет значение. Мысли живут отдельно от реальности, от той самой реальности, в которую порой страшнее всего возвращаться.

Но моё забытье не было ни покоем, ни облегчением. Скорее наоборот. Разум раз за разом прокручивал одну и ту же картину, ту, где я теряю контроль над собой.

Я не чувствовала тела, не приходила в сознание, и всё же продолжала существовать в этом внутреннем аду. Снова и снова меня уводили в Совет. Снова и снова зачитывали приговор — спокойным, ровным тоном, будто речь шла не о моей судьбе, а о сухом отчёте. И снова тьма брала верх. Она мягко, но неумолимо отодвигала меня в сторону, вытесняла из собственного тела, утягивала глубже, в свой холодный, мёртвый мир, где я переставала быть личностью.

Там не было Виолетты. Не было мыслей, сомнений, чувств. Там я была лишь оболочкой. Пустотой, в которую она вливалась без сопротивления. Я переставала быть собой и отдавалась её воле. Не потому, что хотела. Потому что была слишком слаба. Слаба, чтобы удержать контроль. Слаба, чтобы спорить с силой, древнее меня. И именно эта слабость снова и снова предавала меня.

Тьма всегда была рядом. Не как гость, а как неотъемлемая часть. Как тень, от которой невозможно избавиться, даже если стоишь в полной темноте. Как дыхание за спиной, которое чувствуешь даже в одиночестве. Она напоминала о себе в каждом приступе, в каждом срыве, в каждом моменте, когда я теряла почву под ногами. От неё нельзя было уйти, нельзя было спрятаться — ни во сне, ни в забытье, ни в самой глубине собственного сознания.

С ней следовало смириться. Принять её как неизбежность. Как вторую природу, которая всегда была рядом, просто ждала своего часа. Но принять, означало не просто согласиться. Это означало уступить. Позволить ей разрастись внутри, занять каждую клетку, вытеснить то, что ещё оставалось моим.

И всё же я цеплялась. Даже если эта борьба каждый раз оставляла меня истощённой, почти пустой. Даже если с каждым сопротивлением я становилась слабее, чем прежде.

И сама тьма не принимала меня такой — живой.

Она существовала там, где не бьётся сердце. Где нет тепла, нет сомнений, нет привязанностей. Где не болит и не тревожит. Где ничто не держит. Она царствовала в пространстве без дыхания и памяти, в мире, где чувства — слабость, а любовь — лишний груз.

А моё сердце всё ещё упрямо билось. Оно цеплялось за боль, за страх, за привязанности, за каждую рану и каждое воспоминание. За Деймона. За мастера Париса. За Александру. Даже за Кольта — несмотря на обиду. За всё, что делало меня живой. И пока оно стучало, я оставалась чужой для тьмы. Она ждала, когда этот стук стихнет. А я, держалась за него из последних сил.

Я прислушивалась к этим ударам — коротким, слабым, неровным. Каждый из них давался тяжело. Сердце работало через силу, через усталость, через чужое присутствие внутри. Но именно они держали меня здесь.

Упав в руки Деймона, я вцепилась в этот ритм, как утопающий хватается за поверхность воды. Его руки удерживали меня крепко, не давая рассыпаться, не давая окончательно раствориться в той пустоте, куда тянула тьма. И в этом объятии было больше, чем поддержка. Это было доказательство, что я ещё существую, что меня ещё можно удержать по эту сторону.

Мне хотелось остаться в этом мгновении, в этой хрупкой границе, где меня всё ещё держит чужая забота и собственное сердце, а не тьма. Потому что я чувствовала: стоит отпустить, и она примет меня. Уже навсегда.

Тьма — это энергия мёртвых. Она не появлялась извне. Она рождалась внутри меня. Тихо. Незаметно. Как холод, который сначала касается кожи, а затем проникает глубже, к костям. Она нарастала, сгущалась, набирая силу, выискивая трещину, через которую сможет вырваться наружу. Ей нужен был выход. Пространство. И если выхода не находилось, если я пыталась удержать её внутри, запереть, подавить, она начинала пожирать меня. Медленно. Мучительно. Изнутри. Сдавливая грудь, выжигая силы, лишая сна, лишая дыхания. Она не ненавидела меня. Она просто делала то, для чего существовала. А я была живой, и потому становилась для неё одновременно источником и препятствием.

Забвенье, в которое тьма погрузила меня, не приносило покоя. Это не был сон. Не отдых. Не спасение. Это было вязкое, тяжёлое состояние, в котором мысли тонули, не достигая поверхности. Мне хотелось очнуться. Вдохнуть полной грудью. Резко, жадно, до боли в лёгких. Хотелось вынырнуть из-под давящей толщи, где каждый миг без воздуха кажется вечностью.

Но я не могла.

Тело ослабло настолько, что перестало подчиняться разуму. Я ощущала его где-то далеко, как чужую оболочку. Оно оставалось живым, сердце билось, дыхание едва заметно двигало грудную клетку, но между мной и этим телом пролегла пропасть. Я зависла на границе. Не здесь, и ещё не там. Между жизнью и чем-то иным.

Со мной остались только сожаления.

Я так мало сделала, ничего не исправила, ничего не добилась. Втянула в беду тех, кто был рядом, кто защищал меня, кто верил в меня больше, чем я сама.

Впервые в моей жизни появились те, кому я была небезразлична. Не из долга. Не из жалости. Не потому, что так положено. А по-настоящему. Те, кто тревожился обо мне. Кто смотрел не сквозь меня, а на меня. Кто вставал рядом, даже когда это было опасно.

Кроме Александры, у меня никогда никого не было. Никогда — так, чтобы чувствовать опору. Чтобы знать: если я упаду, меня подхватят. И именно тогда, когда у меня впервые появилось это, я не смогла их уберечь.

Внутри тянулся беззвучный крик, глухой, отчаянный, бесконечный. Он не вырывался наружу, но разрывал изнутри.

Я чувствовала себя крошечной и беспомощной перед этим миром. Миром дампинов, где мне так и не нашлось места. словно я изначально была лишней деталью в чужом механизме.

Меня отправили в Совет дампинов потому, что я отличалась. Не вписывалась. Не была такой, как остальные. Я не предавала. Не убивала. Я просто была другой. Но в мире, где ценят порядок и предсказуемость, этого уже достаточно для приговора.

Для чего я им нужна?

Для изучения? Для опытов? Чтобы разобрать меня по частям, не моё тело, а мой дар, и понять, как он работает? Или... превратить меня в оружие?

Ответов не было. Только догадки. И страх.

Я вспоминала рассказы мастера Париса о членах Совета, об их жажде силы, о стремлении к бессмертию, которого они так и не достигли. Теперь у них была я. Их новый шанс. Но шанс на что — я не понимала.

Я почти ничего не знала о себе. Ни о своей силе, ни о природе тьмы, живущей во мне. Но одно становилось всё яснее: в одном живом теле нам с ней слишком тесно.

Без связи с вампиром я медленно угасала. Эта связь была не прихотью и не слабостью, а необходимостью, без которой я погибну. Он забирал мою тёмную энергию, пропускал её через себя, тем самым позволяя мне оставаться живой. Он принимал часть моей тьмы, и возвращал мне силы.

Он давно переступил грань жизни, как и сама тьма. Смерть для него не была концом, лишь иной формой существования. Он был цельным с тьмой, не сопротивлялся ей, не боролся

с ней. Он принадлежал тому миру — древнему, холодному, чуждому живым, — миру, в который мне было ещё слишком рано уходить.

Эта связь давала мне опору, удерживала на поверхности, не позволяя утонуть в собственной тьме. Но теперь её не было.

Кольт — вампир, с которым я когда-то была связана, — ушёл. Он оставил меня одну. Забрал не только мой шанс на подобие нормальной жизни, но и сердце, которое я сама, добровольно, отдала ему.

Он отказался. Отверг меня. Решил, что мои чувства — следствие тёмной связи, что скрепляла и удерживала нас, а не нечто настоящее. Не выбор. Не любовь.

И теперь я стояла перед собственной тьмой, без защиты, без опоры. Я чувствовала её взгляд. Холодный. Выжидающий. Она проверяла, удержусь ли я среди живых... или всё-таки сорвусь в бездну, туда, к мёртвым.

Впервые за всё это время её образ материализовался и встал перед моим внутренним взором. Я могла видеть её, не как отражение, не как искажённую тень самой себя. Это была не я.

Я видела тьму отдельно от себя. Слишком цельную. Слишком чужую. Слишком настоящую для того, что должно было быть лишь частью меня. Она стояла передо мной так отчётливо, будто была кем-то посторонним, вторгшимся в моё сознание.

Сначала она напоминала клубящийся дым, густой, вязкий, сотканный из ночи без единой звезды. Чёрное облако медленно собиралось в очертания, уплотнялось, вытягивалось, становясь всё плотнее и чётче. И вот в этой сгущающейся темноте начали угадываться человеческие формы: линия плеч, изгиб шеи, лёгкий поворот головы.

Она не возникла резко, она проявлялась, как тень при заходящем свете, постепенно обретая контуры.

Лица как такового не было, но я чувствовала взгляд. Он лежал на мне тяжёлым, внимательным присутствием. Там, где должны были быть глаза, тьма была глубже, плотнее, как два бездонных провала, в которых не отражался свет.

Её очертания оставались текучими: край силуэта то расплывался дымом, то вновь собирался, сама форма не казалась для неё чем-то обязательным. И всё же она стояла передо мной, как человек. Прямая. Спокойная. Уверенная в своём существовании. А вокруг нас была пустота.

От неё не исходило угрозы, злобы или ярости. Только тихое, неумолимое ожидание. Она смотрела на меня так, как смотрят на того, кто рано или поздно сделает правильный выбор. Без давления. Без спешки. С уверенностью вечности.

Я чувствовала: она не придёт за мной. Она ждёт, когда я сама к ней шагну. В её присутствии не было хаоса, только покой небытия. Тот самый покой, где не нужно бороться, бояться, чувствовать. Где всё становится простым и тихим.

И от этого становилось страшнее всего.

Потому что где-то глубоко внутри я понимала, почему к ней можно захотеть уйти. В её тишине не было ни боли, ни страха, ни вины. Не нужно было бороться и держаться из последних сил.

Но я не шагнула к ней.

Я смотрела на неё, с тем же отчаянием, что тяжёлым грузом осело внутри. Смотрела так, как смотрят на бездну, зная, что она не толкает, она ждёт. Я чувствовала её терпение. Её уверенность в том, что рано или поздно я устану сопротивляться.

Но не сейчас. Я ещё не была готова. Не сегодня. Не здесь. Моё сердце всё ещё билось, и каждый удар напоминал: я принадлежу миру живых чуть дольше, чем ей хотелось бы.

В этом забытьё мы остались вдвоём. Я и она. Всё остальное исчезло. Пространство растворилось, как будто мира больше не существовало. Не было ни стен, ни неба, ни времени. Только пустота — густая, беззвучная. И мы, в центре неё. Двое. В одном теле. В одной судьбе.

Я смотрела на неё не с ужасом, а с вниманием. С тем самым странным интересом, который испытываешь к тому, что всегда было внутри, но никогда не обретало формы. Она не была чужой. Столько лет жила во мне, тенью, шёпотом, кошмаром, давящим ощущением в груди. Она терзала меня видениями, выжигала изнутри, ломала контроль. И вот теперь стояла напротив.

Я хотела заговорить с ней. Спросить. Потребовать ответов.

Кто ты? Что ты хочешь от меня? Кем я стану, если поддамся?

Но губы не шевелились. Голоса не было. Всё, что существовало между нами, это взгляд. Её — спокойный, тёмный, бездонный.

Мой — растерянный, напряжённый.

Мне твердили одно: «Ты должна стать вампиром». «Ты должна перейти грань». «Только так ты выживешь». Но, глядя на неё сейчас, я впервые усомнилась. Потому что она не выглядела спасением. Она выглядела завершением. Тем, к чему я рано или поздно должна прийти.

Я хотела поднять руку. Медленно, осторожно протянуть её к ней, коснуться. Убедиться, что это не мираж, не игра ослабленного сознания. Что она действительно стоит передо мной. Настоящая. Отдельная. Но пальцы не послушались. Вместо этого в тишину нашего странного, безвременного пространства глухо вторгся звук. Сначала едва различимый, будто кто-то уронил камень в глубину воды. Потом ещё один.

Голоса.

Они шли как будто из другой жизни. Из мира, который я уже почти перестала считать своим. Слова были смазанными, далёкими. Я попыталась сосредоточиться. И в тот же миг тьма передо мной медленно отступила. Она не исчезла, скорее растворилась, как дым, который, казалось, никогда и не имел чёткой формы. Не спорила. Не сопротивлялась. Просто позволила реальности вытеснить себя. Давая понять, что это отсрочка. Что сейчас не её время. Она всё ещё здесь. И ещё напомним о себе.

Перед глазами вновь разлилась вязкая, плотная чернота. Та самая, что держала меня всё это время. Не образ. Не присутствие. Просто бездонная пустота.

Меня пронзила досада. Я почти злилась. Потому что то, что было там, с ней, казалось настоящим. Живым. Пугающе честным. Гораздо более притягательным, чем эти чужие голоса, тянущие меня обратно.

Но они показались мне знакомыми. Не сами слова, интонации. Тембр. Спокойствие, за которым скрывалась власть. Я уже слышала этот голос. Он звучал в кабинете, когда решалась моя судьба. Даже сквозь вязкую темноту я узнавала его. Мой разум был слаб, тело неподвижно, но память не ошибалась.

Осознание медленно, как холодная вода, заполнило меня изнутри. И вместе с ним пришло другое чувство — не страх, нет. Опасность.

Они не просто разговаривали рядом. Они решали мою судьбу. Его тембр был спокойным, почти вежливым, но за этой мягкостью чувствовалась сила. Та самая, от которой стынет внутри.

— Профессор Костаки, она выживет?

Выживет.

Реальность ударила по сознанию. Совет. Меня словно резко вырвали вверх, из тьмы, из прошлого, из вязкой беспомощности. Внутри всё сжалось. Жёстко. До боли.

— Пока сложно сказать, господин Маврос, — отозвался натянутый женский голос.

По комнате — теперь я уже понимала, что это комната — раздались медленные шаги. Твёрдые. Размеренные. Чьи-то подошвы скользили по гладкому полу. Каждый шаг, как удар по нервам.

Я попыталась открыть глаза. Тело не слушалось. Веки казались налитыми свинцом. Грудь — тяжёлой. Воздух входил в лёгкие медленно, как будто через плотную ткань. Я чувствовала холод под спиной. Твёрдую поверхность. Что-то металлическое рядом. Тонкий запах трав. Настоев. И ещё, запах камня. Старого, влажного, холодного камня.

Я в Совете. И устроили меня здесь явно не как гостью, а скорее как заключённую.

Осознание пришло не мыслью, а ощущением. Давлением. Оно медленно опустилось на плечи, тяжёлое и холодное, словно невидимая рука. Словно сами стены знали, кто я. И не забывали об этом ни на мгновение.

— Может быть, вы прилагаете недостаточно усилий? — голос Мавроса стал ближе. В нём не было крика. Только холодное сомнение.

Напряжение в их диалоге коснулось и меня. Воздух вокруг натянулся. Даже в моём полубессознательном состоянии я чувствовала, как пространство сжимается.

— Я делаю всё, что в моих силах, — ответила Костаки. В её голосе прозвучала усталость. И страх. — Но что-то удерживает её. Она... не хочет возвращаться.

Не хочет возвращаться. Слова отозвались во мне странным эхом. Тьма внутри тихо шевельнулась. Как будто одобряя.

— Хм...

Короткая пауза. Тяжёлая.

— Мы доставили вас в Совет вместе с Виолеттой не для того, чтобы вы давали подобные ответы, — голос Мавроса стал холоднее. Теперь в нём уже не скрывалась угроза. Она звучала открыто. — Если вы не справляетесь, профессор, значит, вы нам не нужны.

Я почувствовала, как по коже пробежал едва уловимый разряд, не магический, а рожденный осознанием.

Совет был не собранием личностей, а единым, бездушным механизмом. Отлаженной системой, где каждая деталь имела значение ровно до тех пор, пока приносила пользу. Стоило звену дать сбой, замедлиться или стать неудобным, его не чинили. Его заменяли. Без сожалений. Без раздумий. И в этой системе я уже не была ученицей. Не Виолеттой. Я была элементом, который либо окажется ценным... либо станет лишним.

— Господин Маврос... — её голос дрогнул.

— Совет не может потерять столь ценный экземпляр из-за вашей халатности, — резко оборвал он её, без тени сочувствия. — Если это случится, вам придётся отвечать перед Советом.

Экземпляр.

Не ученица. Не дампир. Не Виолетта. Экземпляр. Сердце дрогнуло в груди — неровно, сбивчиво. Я попыталась пошевелить пальцами, хоть что-то, любой знак, что я всё ещё здесь. Доказать, что я не объект. Но тело было тяжёлым, чужим. Слабым. И не подчинялось мне.

— Вы меня поняли? — мягко уточнил он.

Именно мягкость оказалась самой пугающей. В его голосе слышалась едва уловимая полуулыбка, та самая, что всплыла в памяти как тревожный знак, предупреждение, которое я когда-то проигнорировала.

— Да... — прозвучал ответ. Тихий. Почти сломленный.

Повисла пауза.

Я чувствовала их присутствие рядом. Чужую энергию. Наблюдение. Они были близко, слишком близко. И где-то глубоко внутри тьма вновь едва заметно подняла голову. Не из желания разрушать. Из желания защититься. Я осознала: я в Совете. Лежу среди них. И кто-то пытается вытащить меня из мрака, в который я почти согласилась уйти.

— А сейчас покиньте помещение, — скомандовал он.

В его голосе не было крика, только холодная уверенность.

Она подчинилась. Я уловила едва заметное движение рядом, шорох ткани, осторожные шаги, удаляющиеся от меня. Но напряжение не исчезло. Оно продолжало висеть в воздухе, плотное, почти осязаемое, и сама комната затаила дыхание.

Тишина накрыла меня тяжёлым куполом. Ровно до того момента, пока дверь снова не открылась. Кто-то вошёл. Шаги были тяжёлыми, медленными. Осторожными. Тот, кто переступил порог, не спешил приближаться. Он держался на расстоянии, не из нерешительности, а из опасения.

— Это она? — раздался женский голос. Взрослый. Глубокий. В нём звучала настороженность.

— Она, — подтвердил Маврос. И даже по интонации можно было услышать его улыбку, не тёплую, а хищную.

Шаги приблизились. Остановились рядом со мной. Нависли. Эта женщина смотрела не на меня, а в меня. Сквозь кожу, сквозь плоть, сквозь сознание. И я сразу ощутила вторжение. Дискомфорт. Чужое присутствие осторожно, но настойчиво искало путь в мою темноту, в то убежище, которое принадлежало только мне.

— Не может быть... — выдохнула она.

В её словах не было сомнения. В них проскальзывал сдержанный ужас.

— Вы что-то увидели? — с любопытством отозвался Маврос.

Женщина достала что-то из сумки. Я не видела, но чувствовала, воздух вокруг меня изменился. Что-то холодное скользнуло над моим телом, не касаясь кожи, но касаясь сути. Затем она резко отёрнула руку, будто обожглась.

— Я отказываюсь выполнять работу, — отчеканила она.

Тишина натянулась.

— Вы не можете отказаться, — голос Мавроса стал твёрже. — Вы уже взяли плату. И обязаны Совету выполнить то, ради чего вас сюда привели.

— Когда мы договаривались, вы не сказали, что она тёмная, — в её интонации прозвучало уже не только напряжение, но и раздражённый страх.

— Она не тёмная, — резко оборвал он. — Она дампир. Она живая.

Женщина сделала несколько осторожных шагов назад.

— Нет... — протянула она, но теперь в её тоне звучала убеждённая уверенность. — Она тёмная. Единственной пророчицей, связавшейся с тёмным, была Сибилла. И вы знаете, чем это для неё закончилось. Тьма коснулась и её. А это хуже смерти.

Она почти шипела.

— Я не буду её возвращать. Плату я верну. Но с тёмной связываться нельзя. Она не подчинится вам. Она отравит и тело, и душу.

В комнате стало холоднее.

Маврос не повысил голос. Но в его молчании чувствовалась ярость.

— Убирайтесь, — произнёс он наконец. Холодно. Чётко. — Совет не нуждается в ваших предупреждениях.

Женщина не стала спорить. Её шаги были быстрыми. Почти поспешными. Дверь закрылась. И я осталась с ощущением, что только что кто-то увидел во мне нечто такое, что даже Совет не ожидал увидеть.

Следом за женщиной ушёл и сам Маврос. Его шаги звучали ровно, без спешки. Так уходят те, кто уверен, что всё остаётся под контролем. Дверь закрылась, и вместе с этим звуком голоса окончательно стихли. Ощущение чужого присутствия растворилось. Комната выдохнула.

Даже холод каменных стен, их сырой запах, тяжёлый воздух, всё вдруг стало отдалённым, приглушённым. Реальность рассыпалась на тихий фон, потеряла резкость, перестала быть значимой. Звуки притупились. Пространство отодвинулось, медленно уходя от меня слой за слоем. Я снова начинала проваливаться.

Тьма вновь обволакивала меня, укутывала, защищая то, что по праву принадлежало ей. Я ощущала её всем телом. Это было ужасающе странное чувство, понимать, что твоё тело уже не совсем твоё.

Я попыталась расслабиться, зная, что всё равно бессильна. Позволила себе полностью раствориться в этой темноте, в этой вязкой пустоте. Но покой оказался недолгим.

Я провалилась в прошлое. Туда, где чувство вины поглощало меня целиком. Где тьма брала верх, а я теряла контроль, и всё равно оставалась беспомощной. Не в состоянии помочь кому-то. Даже себе.

Тьма снова и снова возвращала меня к моей слабости, заставляя переживать её заново, испытывая на прочность. Проверяя, как долго я выдержу. Как долго смогу сопротивляться её воле, прежде чем окончательно сломаюсь.

И снова крик.

И снова боль.

И снова отчаяние.

Единственным выходом казалось согласиться. Протянуть руку. Вложить свою ладонь в её, тёмную, сильную, неподвижную, как обещание покоя. Она выглядела спасением. Выходом из боли, из страха, из этой бесконечной борьбы, в которой я неизменно проигрывала. Стоило коснуться её, и всё закончится. Но я не могла.

Глава вторая

Прошло две недели с того дня, как Виолетту забрали в Совет. И с тех пор всё изменилось. Школа осталась прежней — те же коридоры, те же занятия, те же строгие лица преподавателей. Но внутри всё выцвело. Потеряло вес. Значение. Если раньше жизнь здесь казалась настоящей, наполненной целями, возможностями, перспективами, то теперь всё это выглядело пустой оболочкой, в которой больше не было смысла.

Первым ударом для Николаса стал арест Екатерины.

Он допускал, что это возможно. Где-то глубоко внутри эта мысль жила давно — холодная, неприятная, но настойчивая. Однако он всегда отталкивал её, не позволяя оформиться во что-то реальное. Не позволял ей стать фактом.

Даже несмотря на свой дар, который беспощадно напоминал: многое в этой жизни неизбежно, арест его тётки, его родного по крови дампира, женщины, которую он любил как мать, выбил у него почву из-под ног.

Да, для дампиров подобная привязанность считалась недопустимой. Слабостью. Нарушением негласных правил. Но вся его жизнь до этого была слишком... защищённой. Слишком удобной.

Когда ты племянник директора школы дампиров, запреты редко касаются тебя напрямую. Они существуют где-то рядом, для других.

Но не сейчас...

Теперь реальность Николаса выглядела иначе, надломленной, искажённой до неузнаваемости. С тех пор как Виолетту забрали, а Екатерину арестовали, школа перестала быть для него местом силы. Она стала пространством постоянного наблюдения.

Уполномоченная Совета Доралина усилила за ним контроль. Он слишком часто находился рядом с Виолеттой в последние месяцы. Слишком много времени проводил с ней. Слишком многое мог знать.

Теперь это знали и в Совете.

Его тётю, которая была для него не только семьёй, но и наставницей, арестовали. И с её исчезновением исчезла последняя защита, за которой он привык прятаться всю жизнь. Привилегии, которые раньше давала её должность, растворились за одну ночь.

Каждый день с тех пор напоминал череду допросов и проверок. Его вызывали «для уточнения показаний», «в рамках внутреннего расследования», «для оценки психологической устойчивости». Формулировки менялись, но суть оставалась прежней — Совет искал слабое место. В его словах. В его поведении. В его мыслях.

И всё же Николас оставался осторожен. Он умел обходить острые углы, отвечать так, чтобы не солгать, но и не сказать лишнего. Уводить разговор в сторону. Делать паузы там, где другие начинали оправдываться. До сих пор Совет не смог зацепиться за него напрямую.

Но настороженность не покидала его ни на мгновение. Совет стал буквально дышать ему в затылок. Их присутствие ощущалось повсюду — в коридорах, на занятиях, в столовой. В лишнях взглядах. В случайных проверках. В том, как преподаватели внезапно замолкали при его появлении.

Ему напоминали об этом ежедневно. Он всё ещё под наблюдением. Всё ещё под контролем. И любая ошибка может стоить ему свободы.

Под контроль взяли не только его, но и всех тех, с кем Виолетта близко общалась, дружила. Только им действительно нечего было рассказать, в отличие от Николаса. И если он допустит хоть малейший проступок, если где-то всплывёт правда о том, что он знал о её даре, он пострадает так же, как и Деймон. Которого забрали в Совет вместе с Виолеттой.

Николас невольно погрузился воспоминанием в тот день.

Виолетту вынесли на носилках из лазарета. Она выглядела мёртвой. Её кожа побелела, утратив всякий оттенок тепла, отдавая болезненной серостью, кровь не доходила до поверхности. Скулы заострились, лицо осунулось, под глазами залегли тёмные провалы. Глаза оставались закрыты, веки неподвижны. Ресницы не дрожали. Губы, обычно живые, сжались в тонкую, почти бесцветную линию. В уголке застыли следы запёкшейся крови, которые даже не успели стереть. Волосы спутались, прилипли к вискам, к шее, словно она пролежала так не часы, а дни.

Её грудная клетка поднималась едва заметно. Настолько слабо, что Николасу показалось, она вовсе не дышит. Руки лежали вдоль тела, безвольно, пальцы слегка поджаты, как у того, кто давно перестал сопротивляться. На запястьях проступали тонкие тёмные прожилки, следы того, что выжигало её изнутри.

Она не выглядела раненой. Она выглядела опустошённой. Как будто что-то уже забрало у неё жизнь, и оставило только тело.

Он смотрел на неё издалека. Не мог позволить себе подойти ближе. Взять за руку. Передать хоть немного тепла, того самого, в котором она сейчас отчаянно нуждалась.

Не мог.

Стоило ему сделать шаг вперёд, задержаться рядом дольше положенного, коснуться, и это заметили бы. Любая лишняя эмоция, любое отклонение от ожидаемого поведения сейчас расценивалось как подозрение. А подозрение в Совете не проверяли, его изолировали. Без разбирательств. Так же, как Деймона. Которого стражи уже выводили из здания, заламывая руки за спину.

Деймон сделал то, что Николасу хотелось сделать самому. Подошёл. Не думая о последствиях. Не оглядываясь. Просто оказался рядом с ней в тот момент, когда это было нужно. Но Николас — не смог.

Из трусости?

Из чувства самосохранения?

Или, потому что понимал: этот жест ничего бы не изменил?

Он считал это импульсивным безрассудством. Ненужным риском, который только ускорило неизбежное. Если его арестуют, он уже никому не сможет помочь.

Ни Екатерине.

Ни Виолетте.

Профессор Юдора Костаки не отходила от Виолетты ни на шаг. Она всё время держалась рядом. Представители Совета приставили её, чтобы она помогала Виолетте справиться, помогала выжить. Но казалось, что это совершенно бесполезно. Исцеление Юдоры проходило мимо тела, ударялось о невидимую преграду, так и не достигая цели. Её дар — мягкий, направленный на восстановление, скользил по коже Виолетты, не проникая глубже, не находя отклика. Сама жизнь внутри неё была заперта за чем-то чужим и враждебным.

Юдора шла рядом с носилками, одной рукой касаясь Виолетты, не позволяя себе даже на секунду разорвать этот контакт. За то короткое время, что она пыталась исцелять её, Юдора отдавала собственные силы. Она сгорбилась, шла медленно, выглядела измождённой и усталой. Её лицо побледнело, под глазами залегли тени, а движения стали менее уверенными.

Николас чувствовал это.

То, что находилось внутри Виолетты, не просто не позволяло Юдоре помочь ей, оно сопротивлялось. Отталкивало. И, возможно, через сам процесс исцеления вытягивало жизненные силы уже из неё самой. Картина выглядела пугающе и опасно. Возможно, Юдора и сама это понимала, но не могла отступить, потому что это был приказ Совета.

А следом шёл сопровождающий уполномоченного Совета — Андреас Маврос. С видом победителя. Того, кто слишком долго искал ценное сокровище, и наконец нашёл его. Его спокойствие, почти удовлетворённое выражение лица, этот едва заметный интерес во взгляде, всё это злило Николаса.

Потому что система, которая казалась ему идеальной. Которая была его целью, его мечтой, местом, куда он так стремился попасть, теперь обернулась против него.

Против них.

Вокруг уже собралась толпа. Ученики выходили из корпусов, переговаривались, вставали на носки, чтобы лучше видеть. Никто толком не понимал, что происходит.

Для кого-то это было зрелищем.

Для кого-то — новыми слухами, которые будут пересказывать ещё долго.

Но для него — это был удар.

Потому что и его вина была в том, что случилось.

Его так сильно охватила боль и тревога за Екатерину, что, когда он вёл Виолетту на разговор в тот самый проклятый сад, где всё и свершилось, он чувствовал, Стефан следовал за ними.

Он знал.

Тогда Николас предполагал, что Виолетта скорее всего откажется от его просьбы рассказать о своём даре Совету и не поможет Екатерине.

И он действительно надеялся...

Что Стефан сделает это за него.

Только он не предполагал, что Стефан преподнесёт всё как предательство со стороны Виолетты. Что исказит правду. Что превратит её не в жертву обстоятельств, а в угрозу. Что всё обернётся именно так — стремительно, жестоко, без возможности что-либо объяснить.

Что вскроется правда о вампире. О контакте, который в их мире считался преступлением. За подобное дампинов казнили без разбирательств. Без попытки понять мотив. Сам факт взаимодействия уже означал опасность. Любой, кто вступал в контакт с вампиром, становился потенциальным источником заразы, влияния, разложения. А угрозы устраняли ещё в зародыше.

Николас не сразу принял эту реальность. Когда правда о Виолетте всплыла наружу и он собственными глазами увидел её в руках врага, в нём что-то надломилось. Он долго отказывался верить, что всё зашло так далеко. Что с ней вообще могло произойти нечто подобное. И если ему было трудно принять это — что уж говорить о Совете.

Николас молчал не потому, что был равнодушен. Он молчал, потому что знал: стоит произнести это вслух, и Виолетту отправят на казнь. Иного исхода не было бы. И когда он втянул в свою игру Стефана, он не просчитал одного — чужих амбиций. Чужой интерпретации. Чужого желания выслужиться. Он не учёл, что правда в чужих руках перестаёт быть правдой.

Но он ошибся не только в расчётах. В нём бушевало не только беспокойство за Екатерину. Не только страх перед Советом. Он ощущал ревность — жгучую, острую, разъедающую изнутри. С того самого момента, как Виолетта отказала ему, он не смог отпустить её. Не смог сделать вид, что между ними ничего не было. Что её выбор его не задел. Что вампир — лишь случайность. Он знал, что именно вампир стал причиной её отдаления. И это медленно отравляло его изнутри. И, возможно, именно эта ревность, а не только холодный расчёт, и стала тем самым незамеченным шагом, который запустил цепь событий.

Слишком многое выдавало их тесную связь. В том, как менялся её взгляд. В едва заметных паузах перед ответом. В том, что она перестала смотреть на Николаса так, как прежде. И в том, как смотрела на вампира, как звала его помочь...

Он слишком долго убеждал себя, что это не имеет значения. Что сейчас есть вещи важнее: Екатерина, Совет, расследование. Пытался сосредоточиться на этом, удержаться за холодную логику, но тщетно. Стоило вспомнить тот вечер, как внутри поднималось тяжёлое, глухое чувство, не вспышка, не ярость, а медленно нарастающая злость, которую он не мог подавить.

В день своего рождения Виолетта не оставила ему пространства для иллюзий. В её словах не было сомнения. В её тоне ни малейшей попытки смягчить удар. Она смотрела на него прямо. Спокойно. Чётко. И он понял.

Там не было недосказанности. Не было скрытой надежды, за которую можно было бы уцепиться. Искренние чувства не подделывают. Тепло невозможно сыграть. И он увидел, слишком ясно, что этого тепла к нему больше нет.

Он уже считал Виолетту своей с того самого момента, как она только приехала в школу. Всё в её поведении тогда говорило о расположении: взгляды, неловкая открытость, стремление держаться рядом, то, как она искала его поддержки и внимания. Это было почти очевидно, до определённого момента.

А потом что-то изменилось.

Будто её подменили. Она стала осторожнее, закрытее, отстранённой. В её взгляде появилась настороженность, в словах недосказанность. Всё произошло слишком неожиданно, слишком быстро. Между ними внезапно встала невидимая стена, которую он не мог ни понять, ни разрушить.

Пока он опасался Екатерины, которая всеми способами пыталась удержать его от Виолетты — упрёками, угрозами, даже мольбой, — он упустил то, что считал своим. Упустил возможность, которую теперь уже нельзя было вернуть.

Саму Виолетту.

Слишком многое он сделал не так, как хотел на самом деле. Слишком долго колебался, подчиняясь чужим запретам и собственным страхам. А сейчас уже было поздно что-либо исправлять.

И теперь лишённый жизни образ Виолетты постоянно преследовал его, становясь немым напоминанием о том моменте, где он проявил слабость и упустил всё, что ещё могло быть его. Стоило закрыть глаза, и он видел её. Безвольную. Бледную. Почти прозрачную на этих носилках. И вместе с этим образом на него обрушивалось чувство вины. Если бы он только знал, к чему это приведёт... Он бы всё исправил. Не допустил бы этого разговора. Не привёл бы её туда. Не отпустил бы её.

Но было поздно.

Слишком поздно думать о том, что можно было сделать иначе. Сейчас он должен быть осторожен. Крайне осторожен. Чтобы самому не оказаться в руках Совета.

Даже когда пропала Эмма, медленно теряя рассудок, его это почти не заботило. Он оставался к ней равнодушен, несмотря на то что прекрасно понимал и признавал свою вину. Просто не хотел ничего с этим делать. Она стала для него напоминанием: о проступке, об ошибке, которую он допустил, пытаясь сыграть по чужим правилам.

Когда он только связался с ней, для него это не было чем-то особенным. Это было необходимо. Способ отвлечь внимание Екатерины. Убедить её, что Виолетта больше не представляет для него интереса. Это действительно помогло — на время. Екатерина успокоилась, перестала вмешиваться, позволила Виолетте спокойно обучаться в школе. Но именно это и стало началом конца. Именно это дало Виолетте повод отказаться от него. Отпустить. Принять его якобы сделанный выбор. Хотя на самом деле он и не выбирал.

В тот момент ему казалось, что он поступает правильно. Что так будет лучше для всех. Включая его самого. Теперь же это решение отзывалось глухой болью каждый раз, стоило вспомнить её взгляд.

Николас практически перестал выходить из своей комнаты без необходимости. Он безмолвно присутствовал на занятиях, но не слышал того, что объясняли профессора. Слова проходили сквозь него, не задерживаясь. Он оставался замкнут в собственном мире, в котором теперь не осталось никого.

Давид пытался его приободрить. Поддержать. Вытянуть хотя бы на разговор. Но всё было бесполезно. Внутренняя рана слишком сильно кровоточила, чтобы находить силы на пустые слова. А делиться он не мог ни с кем. Это было небезопасно.

Доралина, уполномоченная Совета, осталась единственной, кто представлял их власть в школе. Теперь она пустила свои корни ещё глубже. И даже если Екатерину освободят, Николас был уверен, на пост директора она уже не вернётся. Эта правда была слишком жестокой. Но от этого не становилась менее реальной.

— Рано или поздно нам всем приходится отпускать наставников и идти своей тропой, Николас, — раздался за его спиной голос мастера Париса.

Тренировка только закончилась. Воздух в зале всё ещё был тяжёлым от напряжения и пота, на полу оставались следы недавних спаррингов. Николас уже собирался выйти, когда эти слова заставили его замереть на месте. В голосе мастера Париса не было привычной твёрдости, лишь усталое смирение. Он тоже потерял Деймона. Своего подопечного. Того, к кому относился как к родному сыну.

После ареста Деймона мастер Парис, так же, как и Николас, неоднократно подвергался допросам. Совет методично проверял всех, кто был хоть как-то связан с Виолеттой и её окружением, выстраивая цепочку подозрений и не оставляя без внимания ни одной детали. И всё же он до сих пор оставался преподавателем в школе, значит, пока не вызывал у них подозрений.

— Она всегда была больше, чем просто наставник, — сдержанно ответил Николас, не обращившись.

Мастер Парис медленно подошёл ближе. В зале уже никого не осталось. Повисла глухая тишина, приглушённые голоса доносились из коридоров за закрытыми дверями.

— У тебя своя жизнь, Николас, — произнёс он спокойно. — И она в твоих руках. Независимо от того, кто был твоим наставником... или кем приходится тебе по крови.

Слова звучали правдиво, но резали слух, оставляя после себя неприятное, саднящее ощущение. Их не произносили, их вонзали. Он не мог отпустить Екатерину и продолжать жить так, будто ничего не произошло. Будто её просто вычеркнули из его жизни, и всё должно было пойти своим чередом.

— Вы не поймёте меня, — сухо произнёс он, даже не обращившись.

— Почему же? — спокойно переспросил мастер Парис. — Из-за одной жизни губить несколько, это безрассудство, а не здравый смысл.

Николас резко повернулся к нему. Он сразу понял, о ком шла речь. О Виолетте. Мастер Парис задел самое живое, то, что Николас старательно прятал даже от самого себя.

— Ты уже не сможешь ей, — вновь задумчиво произнёс мастер Парис, и в этих словах можно было услышать что угодно: смирение, усталость... приговор. Он говорил об Екатерине. Но они оба прекрасно понимали, что речь шла не только о ней.

Николас молчал. Внутри всё сжималось, болезненно и медленно, как если бы кто-то сдавливал сердце рукой. Мысли путались, сталкивались друг с другом, не находя выхода.

— Что они сделают с ней? — наконец спросил он, всё так же понимая, что говорит не только о своей тёте.

— Ничего хорошего, — напряжённо ответил мастер Парис, и в этом коротком ответе прозвучало больше, чем он был готов сказать вслух.

Сердце кольнуло тупой, ноющей болью. В груди вновь поднялось тяжёлое, знакомое чувство — вина, от которой невозможно было ни избавиться, ни спрятаться.

— И помочь ей, — он замолчал на несколько секунд, взвешивая каждое слово, прежде чем позволить ему прозвучать. — Увы... но мы уже не сможем.

Сказав это, мастер Парис не стал задерживаться. Он развернулся и покинул зал, оставляя Николаса одного, среди глухой тишины, запаха пыли и металла, и собственных мыслей, от

которых невозможно было отмахнуться. С ощущением того, что он что-то упустил. Что-то сделал не так. И что теперь это «не так» уже нельзя исправить.

Мастер Парис явно знал больше, чем говорил. Это чувствовалось в его взгляде, в паузах между словами, в том, как он подбирал формулировки, осторожно, но не настолько, чтобы скрыть истину полностью. И он даже не пытался этого делать перед Николасом. Знал, что тот не станет задавать лишних вопросов. Не станет копать глубже. Потому что и без того уже вскрыл слишком многое.

Николас сжал челюсть, до боли в висках, пряча собственные мысли и чувства как можно глубже. Он никогда не позволял себе эмоций на людях. Не допускал неосторожных взглядов, жестов, мыслей. Слишком рано понял, что в этом мире за ними следят не только глаза. Он научился держать выправку, достойную представителей Совета. Холодную. Безупречную. Непроницаемую. И теперь прятался за ней.

Николас направился к себе в комнату, принять душ, попытаться смыть с себя напряжение этого дня, чужие взгляды, каждое сказанное и несказанное слово. И остаться наедине со своими мыслями, которые становились всё тяжелее с каждым днём.

Теперь он жил в мужском корпусе, а не в корпусе преподавателей. Формально — ничего особенного. Всего лишь смена комнаты. Но для него это было понижением. Молчаливым напоминанием о том, что он больше не «особенный». Не привилегированный. Не тот, кому позволено больше остальных. Теперь он был одним из. Обычным учеником. А падать с высоты всегда больно. Особенно когда ты сам привык считать её своим законным местом.

Школа, как и прежде, жила своей жизнью, шумной, беспечной, равнодушной. Гудела разговорами, смехом, шорохом шагов и неизбежными перешёптываниями за спиной. Николас прекрасно знал, о чём они говорят. Знал, какие слухи ходят. Какие версии строят. Но предпочитал не реагировать. Игнорирование было единственным способом не сорваться. Не выдать себя. Не позволить мыслям стать слишком громкими.

Однако стоило ему выйти во внутренний двор, как взгляд зацепился за знакомый силуэт. Почти скрытый в сумерках, в глубине одной из беседок.

Камилла.

Она сидела, обхватив себя руками, пытаясь удержать то, что уже распадалось внутри. Плечи её едва заметно вздрагивали, но даже на расстоянии до него доносились приглушённые всхлипы.

Он мог пройти мимо. Сделать вид, что не заметил. Как делал это со всеми остальными последние две недели. Но не смог. Всё, что касалось Виолетты, теперь касалось и его. А Камилла была её лучшей подругой. Он сам не заметил, как изменил направление и подошёл ближе.

— Камилла... — тихо позвал он, стараясь не напугать её.

Она вздрогнула и резко подняла голову, быстро стирая слёзы ладонями.

— Николас, — отозвалась она. — Тебе что-то нужно?

— Я думаю... — так же тихо продолжил он, — это тебе нужна помощь.

Ответа не последовало сразу. Только новый, сдавленный всхлип.

— Нет... — наконец выдохнула она. — Их уже не вернут.

Он молча присел рядом, не задавая лишних вопросов. Вечер стремительно темнел, двор пустел. Ученики направлялись на ужин, обсуждали занятия, смеялись. Для всех остальных жизнь продолжалась.

— Я всё время их теряю, — снова заговорила Камилла.

— Кого? — спокойно спросил он.

Её боль странным образом делала его собственную чуть менее острой, позволяя признать: он тоже имеет право на слабость. На утрату.

— Всех, — прошептала она. — Сначала Лукаса... а теперь Виолу и Деймона.

Слёзы снова хлынули из её глаз. Николас достал платок и молча протянул ей.

— Спасибо... — она судорожно вытерла лицо. — Они уже никогда не вернутся из Совета. Оттуда никто не возвращается.

Он тяжело выдохнул, глядя куда-то перед собой.

— Прости, — тихо добавила Камилла. — Я понимаю, тебе тоже сейчас тяжело. Из-за Екатерины... но что мы могли сделать? Мы бессильны перед Советом. Если они решили забрать их, то...

Она не договорила. Опустила голову, сжимая платок.

Ах, если бы она только знала, что он как раз мог сделать хоть что-то. Что мог не привести Виолетту в тот сад. Мог не говорить с ней тогда. Мог не надеяться, что всё решится само собой.

Камилла бы уже не смотрела на него так. Не говорила с ним так дружелюбно. И, возможно, сидела бы сейчас в другой беседке, подальше от него.

— Ты замёрзла, — только и сказал он. — Иди к себе. Выпей чаю.

Камилла посмотрела на него внимательнее, пытаясь понять, как ему удаётся стоять так ровно, держать спину, говорить спокойно, не ломаясь под тяжестью происходящего. Не позволять себе ни слова о Екатерине. Не показывать, что ему больно.

— Это приходит со временем, да? — тихо спросила она.

— Что именно? — уточнил он, уже зная ответ.

— Смирение.

Слово резануло. Слишком остро. Потому что смирения в нём не было. Ни капли.

Николас не мог смириться ни с тем, что случилось, ни с тем, во что превратилась школа за последние недели. Ни с тем, что Виолетту забрали. Что Екатерину увели, как преступницу.

— Не приходит, — произнёс он, поднимаясь.

Продолжать разговор Николасу оказалось невыносимо тяжело. Сталкиваться с последствиями собственных решений всегда непросто. А демонстрировать слабость, тем более. Он не умел этого. Не позволял себе. Поэтому он оставил Камиллу одну, наедине с холодом сгущающегося вечера, и направился к себе.

Коридоры мужского корпуса встретили его привычной суетой: гул голосов, шаги, хлопки дверей. Он уже коснулся дверной ручки, собираясь войти в комнату, когда его внимание привлёк шум — резкий, взволнованный, чуждый обычному ритму школы.

Шум шёл из комнаты Стефана. По коридору туда уже стекались парни. Кто-то переговаривался шёпотом, кто-то пытался протиснуться вперёд. Воздух был напряжён.

Рука сама соскользнула с ручки, и Николас, не раздумывая, направился к источнику шума. При его появлении толпа инстинктивно расступилась. Даже сейчас, несмотря на произошедшее, многие смотрели на него с прежним уважением, почти с ожиданием, что он разберётся. Что возьмёт ситуацию под контроль. Он сделал несколько шагов вперёд и, переступив порог, замер: перед ним открылась страшная картина.

Стефан лежал на полу. Его тело выгибалось в болезненной дуге. Невидимая сила стягивала его изнутри. Пальцы впились в пол, ногти скребли по нему, оставляя белые полосы. Он дышал рвано, с хрипом, воздух обжигал лёгкие. Но самое страшное было не в этом.

Его глаза.

Они были открыты. Слишком широко. Зрачки расширены до почти полной черноты. В этой черноте что-то двигалось. Тени, живые, текучие, внутри взгляда плыл густой дым. Кожа Стефана побледнела, с сероватым оттенком, кровь в венах медленно густела. Под кожей проступали тонкие тёмные прожилки, не как вены, а следы ожога, расходящиеся по телу. Он попытался заговорить, но из горла вырвался сдавленный стон.

Его трясло. Но это была не обычная судорога. Каждый раз, когда его тело выгибалось, в комнате становилось холоднее. Воздух тяжелел, сгущался, давил на грудь. Николас чувство-

вал это. То, что когда-то коснулось и его самого, скользнуло, не проникнув внутрь, но всё же оставив тёмный след.

Это была тьма. Та самая.

Но Стефана она не просто коснулась, она осталась в нём. Как заноза, глубоко вошедшая под кожу. Как медленно действующий яд. Она просочилась внутрь, пустила корни.

Стефан зажмурился, и по его лицу прошла тень, под кожей что-то шевельнулось. Он всхлипнул, сжав зубы, а затем резко вскрикнул, будто увидел что-то перед собой.

— Уберите её... — прошептал он, глядя в пустоту. — Уберите её от меня...

Но рядом никого не было. Он видел то, чего не видели другие.

Тьма, пущенная Виолеттой в момент всплеска силы, нашла в нём трещину, его потаённый страх, его зависть, его жажду выслужиться, желание отомстить. И теперь она разъедала его изнутри, обращая против него же его собственные слабости. Сводила с ума. Доводила до крайностей.

Его тело слабело. Но страшнее было другое — разум. Он начинал слышать шёпот. Неразборчивый, низкий, скользкий по сознанию, как холодное лезвие. Иногда он замирал, прислушиваясь к чему-то невидимому, а затем резко вздрагивал, словно кто-то произносил его имя прямо у самого уха.

Никто не понимал, что происходит. Никто — кроме Николаса. Он знал, в какой момент всё началось. В тот самый день, когда он погубил Виолетту собственными руками. Тогда тьма вырвалась наружу. И коснулась Стефана. А теперь медленно пожирала его. Не убивая сразу, ломая. Изнутри. И это было куда страшнее.

Помочь Стефану уже было невозможно. Не существовало ни лекарства, ни целителя, способного справиться с этой силой. Она принадлежала Виолетте, и только она могла её забрать. Точно так же, как однажды впустила её в него.

— Ему срочно нужно к профессору Костаки, — послышался голос за спиной.

— Но её нет в школе. Она тоже уехала в Совет.

— Ведите его в лазарет. Пусть там разбираются, пока он здесь не откинулся.

Голоса продолжали шуметь, сталкиваться, перекрывать друг друга. Кто-то звал на помощь, кто-то проклинал, кто-то пытался удержать Стефана, пока его тело снова сводило судорогой. Но Николас оставался неподвижен, всё происходящее не касалось его.

Он уже видел эту силу.

В тот день, когда на школу напали. Когда вампир управлял ею так же легко, как дышат живые. Тогда тьма наполнила его, подчинила фералов, заставив их склониться перед чужой волей. Она слушалась. Она повиновалась.

Сейчас перед ним была та же энергия. Но она действовала иначе. Не подчиняла, а разрушала. Она не ломилась в тело Стефана открыто. Она въелась внутрь, нашла в нём слабое место и теперь медленно разъедала его, как ржавчина железо. То, что не принадлежало миру мёртвых, она отторгала. Его сердце билось слишком живо для неё. Его разум сопротивлялся. И именно это сопротивление делало муку бесконечной.

Николас видел закономерность. Эта сила не была хаотичной. Она выбирала. Она реагировала. И если ею можно управлять... если она способна подчиняться... значит, дело не только в разрушении.

Эта мысль, холодная и опасная, впервые обрела чёткие очертания. Разрозненные фрагменты в его голове медленно складывались в цельную картину.

Глава третья

Кольт вернулся туда, где ему было проще всего смириться с принятым решением. В родовые земли Шотландии. Туда, где ветер яростно бьётся о чёрные скалы, а туман скрывает больше, чем позволяет увидеть. В свою холодную, пустую, каменную цитадель, возвышающуюся над водой, как застывший клинок.

Здесь всё было неподвижно и сурово. Камень, пропитанный сыростью. Узкие окна, в которые почти не проникает свет. Тишина, нарушаемая только ветром и редким эхом шагов в длинных коридорах. Это место не требовало чувств. Не терпело слабости. Оно подходило ему.

Кольт отрезал себя от всего живого. От людей. От шума городов. От воспоминаний. Лишь изредка выезжал ночью для охоты. Ему нужно было оставаться сильным. А для этого требовалось питание. Кровь. Холодная необходимость, лишённая эмоций.

Некоторое время, пока он ещё находился в Швейцарии, Кольт потратил на поиски Раллиса. Пока тот представлял угрозу для Виолетты, он не мог оставить всё как есть. Коста Раллис знал о ней слишком много. Знал о её силе. И именно это тянуло его к ней. Такие знания никогда не оставались без последствий. Поэтому Раллиса нужно было устранить, вычеркнуть из игры окончательно.

Пока Виолетта находилась в школе, она была в относительной безопасности. Кольт был уверен, что туда Раллис больше не сунется. Слишком рискованно. Слишком много свидетелей. Даже для молодого вампира, движимого одержимостью.

Но выследить его оказалось гораздо сложнее, чем Кольт ожидал. Обычно свежесобравших вампиров находили быстро. Они оставляли много следов, ошибок, всплеск голода, неосторожных действий. Молодая кровь редко умела прятаться. Но с Раллисом всё было иначе. Он был не один.

Мари. Кровная вампирша, та самая, что обратила его. Она держалась рядом с ним с самого начала и, похоже, взяла на себя его защиту. Именно она помогала ему скрываться, не давала засветиться ни в одном месте достаточно долго, чтобы его можно было отследить. Она двигалась осторожно. И Кольт быстро понял, почему. Мари чувствовала, что за Раллисом ведётся охота. Она знала, что Кольт вышел на его след. И поэтому затаилась вместе с ним.

Кольт пока не понимал, зачем Раллис был нужен ей. Но одно было ясно — это не случайность. Вампиры не помогают друг другу просто так. Особенно кровные. За любой помощью всегда стояла причина. И чем значительнее была услуга, тем дороже за неё приходилось платить.

Когда Кольт наконец обнаружил, что они покинули Швейцарию, он понял, что времени больше нет. И тогда ему пришлось принять одно из самых тяжёлых решений в своей жизни. Уехать. Оставить всё. И прежде всего — Виолетту.

Это решение оказалось самым трудным из всех, что он когда-либо принимал. И дело было не в силе. Не в тьме, которая касалась и его, связывая с этой незаурядной, юной девушкой. Он слишком хорошо различал влияние связи и собственные чувства. Он знал, где заканчивается магия и начинается нечто другое.

Связь можно объяснить. Её можно разорвать. Её можно переждать. А то, что возникло помимо неё, нет. Это не подчинялось воле. Не исчезало с расстоянием. Не растворялось, когда рвалась энергетическая нить. И в этом была настоящая опасность.

Кольту всегда казалось, что вместе с жизнью много лет назад в нём умерло всё человеческое. Осталась только жажда крови, единственная слабость, которую он долго носил в себе, пока не научился подчинять её воле. Он контролировал голод. Контролировал ярость. Контролировал себя. Но слабость, которую он незаметно начал испытывать к ней, не поддавалась ни дисциплине, ни расчёту.

Он пытался выстраивать стены. Закрывался. Прятал её образ в самые тёмные уголки сознания. Убеждал себя, что это лишь отклик связи, что всё это — иллюзия. Но чем сильнее он отталкивал, тем отчётливее чувствовал. С ней к нему пришло то, что он давно считал чужим и невозможным. Тепло. Беспокойство. Страх потерять. Желание защитить. То, что, как ему казалось, никогда больше не коснётся его мёртвого сердца.

И даже спустя время, когда связь растворилась, когда он перестал ощущать её присутствие — тонкую нить, соединявшую их, — она не исчезла из него. Напротив. Без магии она стала только реальнее.

Не было ни одного дня. Ни одной ночи. Ни одной минуты, когда бы он не вспоминал её. Она стала его второй тенью, той, что не отбрасывается светом, а живёт внутри.

Кольт больше не чувствовал её боли. Не слышал отголосков её мыслей. Но память о ней была почти физической, в движениях, в паузах, в каждом решении. Кольт хотел как лучше. Хотел как правильнее. Впервые за всё своё существование вампира он стремился поступить не так, как диктовала сила или гордость, а так, как подсказывало что-то более уязвимое и непривычное. Она стала слишком дорога ему, чтобы губить её жизнь, превращая её в свою вечную тень, в связанную с ним навсегда. Он слишком хорошо понимал, чем оборачивается подобная связь.

Бессмертие — это не дар, а приговор. И он не имел права навязывать его ей. И потому отпустил её. Не потому, что перестал чувствовать. А потому что чувствовал слишком сильно.

Убедил себя, что вместе со связью со временем угаснет и всё остальное, её привязанность, её смятение, её странное притяжение к нему. Он надеялся, что живое сердце способно исцеляться и отпускать то, что мёртвое сердце хранит вечно. Что расстояние и время сделают то, на что он не решился сам.

Она ненавидела его тёмную натуру. Ту часть его, что однажды предстала перед ней монстром. Он видел это, страх в её взгляде, боль, отвращение к той реальности, частью которой он был. Даже если на время она сможет это вытеснить, рано или поздно осознание вернётся. И станет раной.

А он не хотел быть её раной. Он не хотел, чтобы однажды она посмотрела на него и поняла, что рядом с ней — существо, лишившее её выбора. И он не хотел обманывать себя. Не хотел прикрываться связью, убеждая себя, что всё это магия, влияние тьмы. Он слишком ясно различал, где заканчивалась связь и начинались его собственные чувства. И именно это пугало его сильнее всего. Потому что, если это не магия... значит, он действительно любит её.

Время шло незаметно. День сменялся ночью, ночь — днём. Всё сливалось в однообразный, холодный поток, в котором не было ни событий, ни перемен. Каменные стены его цитадели не менялись, ветер за окнами выл одинаково, а внутри него самого царила выверенная тишина. Ровно до одного момента. До того самого, который разрезал эту тишину.

Письмо пришло без предупреждения. Без лишних знаков. Плотный конверт с почерком, который Кольт узнал мгновенно. От Дориана Париса Гриваса.

Это было крайней мерой. Они договорились об этом при последней встрече, в ту ночь, когда Кольт передал шкатулку для Виолетты, а вместе с ней подвеску. Тогда же он оставил и адрес. Единственный способ связаться с ним, если случится то, о чём никто из них не хотел даже думать.

И сейчас, держа в руках этот конверт, он уже знал его содержание. Ещё до того, как разорвал печать. Ещё до того, как вытащил лист бумаги. Ещё до того, как взгляд скользнул по строке.

Три слова. Всего три.

Её забрал Совет.

Ни подробностей. Ни объяснений. И этих трёх слов оказалось достаточно. Они не прозвучали громко. Не сопровождались криком или угрозой. Но внутри него что-то резко смести-

лось, земля ушла из-под ног. Вся ярость, вся злость, которую он так долго подавлял, контролировал, держал под замком, вспыхнула мгновенно. Он стоял неподвижно, но воздух вокруг словно стал плотнее.

Совет.

Он слишком хорошо знал, на что они способны. Знал, как они работают. Как изучают. Как ломают. Как превращают живое в инструмент. И он понимал ещё одно: если Совет узнал, кем она является... если они осознали, что она источник того, что они искали десятилетиями... Они её не отпустят. Ни при каких условиях.

Он не позволил себе представить её в мраморных залах Совета, под холодными взглядами тех, кто называет пытку «исследованием», а подчинение «необходимостью». Он слишком хорошо знал, чем заканчиваются такие истории. И мысль о том, что она окажется в их руках, была единственной, которую он намеренно обрывал, не давая ей оформиться до конца.

Кольт не позволил себе ни сомнений, ни самообмана. Он не отпустит её второй раз. Но самому отправиться в Совет было необдуманной, почти самоубийственной глупостью. Это не была вспышка ярости, которую можно позволить себе в пылу боя. Это было бы стратегическое поражение ещё до начала игры.

В Совет невозможно было проникнуть ни одному вампиру. Не потому, что они скрывали своё местонахождение, напротив. Совет не прятался. Он стоял открыто, демонстрируя власть. Но вокруг него была выстроена такая защита, что сама мысль о вторжении звучала как насмешка.

Древние печати пророчиц опоясывали стены и подземные залы. Те самые, к которым Совет обращался, когда требовалась не просто сила, а предвидение и запрет. Пророчицы не принадлежали Совету. Они не подчинялись никому. Им нельзя было приказывать, с ними можно было только договориться. И то, если цена их устраивала. Их печати были не просто защитой, они были предупреждением. Любой, кто переступал границу без позволения, сталкивался не с оружием, а с предрешённостью.

Совет пользовался их силой. Платил щедро. Но даже при этом остерегался. Потому что пророчицы служили не Совету, а собственным законам. И сегодня они могли укреплять его стены, а завтра, наблюдать, как те рушатся.

Защиту дополняли охранные кланы вампиров, тех, кого с детства учили одному: выслеживать и убивать. И Кольт знал, насколько они беспощадны. Потому что когда-то сам стоял в их рядах.

Он был потомком древнего клана, служившего Совету. Его учили не сомневаться. Не задавать лишних вопросов. Видеть цель, и устранять её. Вампиры всегда считались врагами. Угрозой. Теми, кого уничтожают без колебаний.

Кольт знал тактику стражей. Их систему сигналов. Их способы выслеживания. Их выдержку. Он знал, как из мальчиков делают оружие. Совет привлёк к охране лучшие кланы вампиров, и прорваться туда было почти невозможно. Когда-то он сам был таким же клинком в их руках.

Каждый коридор, каждый зал, каждый камень Совета были частью выверенной системы. Ничего случайного. Ничего лишнего. Ничего уязвимого. Даже тишина подчинялась их воле. Даже воздух казался чужим. Они не боялись нападения. Они его ждали. И были готовы.

Отправиться туда одному, полагаясь на собственную силу, означало вступить в игру по их правилам, и проиграть ещё до первого шага. Это не было делом храбрости. Это было бы самообманом.

Совет презирал вампиров, и в то же время жаждал того, чем они обладали: их силы и бессмертия. Члены Совета мечтали заполучить могущество архонов, их вечность, их неподвластность времени. Но переступить грань и перевоплотиться они не решались. Это означало потерять всё, власть, положение, контроль. Риск был слишком велик. Стать тем, кого они сами

объявили врагом, означало признать собственную слабость. К тому же не было никаких гарантий, что перевоплощение позволит им миновать стадию фералов, низшую форму вампирской природы, и не остановиться на уровне кровных, так и не приблизившись к могуществу архонов. Поэтому они искали другой способ получить силу, не платя за неё собственной природой.

Создавать армию не имело смысла. Возможность Кольта, полученная через связь с Виейтой, подчинять других вампиров, угасла вместе с её разрывом. Эта связь была не просто эмоциональной, она служила источником силы. Благодаря ей он чувствовал энергию мёртвых, усиливал своё влияние, подчинял, давил. Теперь её не стало. Связь растворилась, и вместе с ней исчезло то преимущество, на которое он мог опереться. Другого выхода не оставалось. Кольт должен был пойти к нему.

К Аргосу.

К тому, при одном упоминании имени которого даже архоны замолкали. К тому, чьё присутствие ощущалось не как власть, а как первородная тьма. Вампиры не произносили его имя вслух без необходимости. Оно несло в себе древний страх.

Аргос был Старшим архоном. Древним. Прародителем всего мёртвого. Одним из трёх братьев, тех, кто положил начало вампирам, кто первым переступил грань между жизнью и вечностью. Он не правил из света. Не стремился к признанию. Его имя не звучало в залах и не произносилось без причины. Он существовал как основание. Как корень, уходящий глубже любого трона. Как тень, на которой держится вся их иерархия. Архоны могли спорить, кланы бороться за влияние, Совет плести свои схемы. Но за всем этим стояло древнее знание: их было трое. Три старших архона. Имена, с которых началась их вечность: Аргос, Мелантор и Терон.

Кольт знал их по легендам. Но лично, лишь Аргоса. Остальные двое, оставались для него далёкими тенями прошлого. Имена, произносимые вполголоса. Почти как миф. Аргос же был реальностью. Он не вмешивался в мелкие конфликты. Не раздавал приказов без необходимости. Но если он поднимался, это означало только одно: равновесие нарушено.

О Старших архонах знали не все вампиры. Дампиры тем более. Для большинства иерархия заканчивалась на архонах, словно выше действительно ничего не существовало. Старшие же оставались на уровне слухов, полутеней, о которых иногда упоминали шёпотом, но редко воспринимали всерьёз. Знали о них единицы, и предпочитали молчать. Но в этом молчании было больше силы, чем в любой официально признанной власти. И именно к нему Кольт собирался обратиться. Если кто и мог вмешаться в игру Совета, это он.

Мысль о встрече с Аргосом не приносила Кольту облегчения. Она означала одно, путь назад окончательно закрыт. Кольт знал, как к нему выйти. Не напрямую, это было невозможно. К Аргосу не приходят по собственной воле. К нему допускают. И существовал лишь один способ.

Вампирша.

С виду юная девушка. Светлые длинные локоны, безупречно белая кожа. Спокойный взгляд. Почти ангельская мягкость в движениях. Нежный, наивный образ, которому хотелось верить.

Мелисса.

Имя звучало легко, почти кокетливо. Неподходяще для той, кем она была на самом деле. За этой оболочкой скрывалась древность. И холод. Она была старше Кольта. Старше многих архонов. Её улыбка могла обмануть неопытного. Но те, кто знал её дольше века, понимали, за мягкостью скрывается расчёт. Она принадлежала к немногим, кому позволено было приближаться к Аргосу без опасения быть уничтоженной. Именно через неё можно было передать предложение о встрече.

Аргос не принимал просьб, его можно было только заинтересовать. А заинтересовать того, кто видел смену эпох, падение династий и рождение новых порядков, было задачей почти

невозможной. Кольт понимал: он должен предложить не просто сделку. Ему нужно дать причину выйти из тени.

И он уже знал, что это будет.

Глава четвертая

Этим же вечером Кольт покинул свою цитадель. Шотландский ветер бился о каменные стены, рвал туман на клочья, гнал его по склонам к морю. Небо было низким, тяжёлым, беззвёздным. Ночь здесь никогда не была просто ночью, она дышала. Жила. Скрывала.

Кольт не стал ждать. Когда решение принято, архоны не медлят. Он облачился в тёмный, почти графитовый фрак, скроенный по старым меркам, строгая линия плеч, вытянутый силуэт, безупречная посадка. Плотная ткань была дорогой, но лишённой блеска, не отражающей свет. Жилет глубокого угольно-чёрного цвета подчёркивал вертикаль фигуры, рост, осанку, сдержанность. Ни одного лишнего элемента. Ни намёка на украшения. Он не стремился привлечь внимание. Именно поэтому его невозможно было не заметить. Так требовала обстановка. Кольт направлялся в сердце вампирской иерархии.

Тёмный автомобиль ждал в тени, почти сливаясь с ночным пейзажем. Дверь закрылась тихо, без малейшего звука. Фары вспыхнули мягко, не разрывая темноту, но обозначая направление. Машина тронулась плавно, набирая скорость. Холодный воздух за стеклом не имел над ним власти. Он не чувствовал усталости. Только ровную, напряжённую сосредоточенность.

Эдинбург встретил его камнем и древностью. Старый город поднимался вверх, выточенный из самой скалы. Узкие улочки, влажная брусчатка, окна, в которых отражался тусклый свет фонарей. Над всем этим возвышался замок, молчаливый, наблюдающий. Но Кольт шёл не к замку. Он направлялся к особняку, который снаружи ничем не отличался от прочих исторических зданий на тихой улице неподалёку от Королевской мили. Высокие узкие окна. Чёрные ставни. Ни вывески. Ни охраны. И всё же место дышало иначе. Воздух вокруг него был гуще. Тише. Глубже. Сама ночь здесь имела вес.

Кольт остановился перед массивной дверью из тёмного дерева. Древние доски были иссечены тонкими линиями, не узором, а знаками. Они не бросались в глаза, но, если смотреть дольше, начинали казаться движущимися, как тень под кожей.

Он не постучал. Дверь открылась сама. Это была не механика и не услужливость хозяев. Здесь стояла печать пророчицы, древняя, вплетённая в саму структуру входа. Невидимый круг силы, который распознавал кровь и иерархию. Он не реагировал на слова, не поддавался обману, не признавал притворства. Печать пропускала только архонов. Ни кровных вампиров, какими бы сильными они ни были. Ни фералов, утративших человеческую суть. И уж тем более, ни дампиров. Любой из них, осмелившийся переступить порог, столкнулся бы не с закрытой дверью, а с самой защитой, с древней силой, что выжигала изнутри тех, кто не имел права входа.

Кольт сделал шаг вперёд. Печать отозвалась осязаемым холодом, скользнувшим по его коже, проверяя. Узнавая. Признавая. И только после этого пространство разомкнулось, позволяя ему пройти внутрь. Дверь закрылась за его спиной.

Внутри — узкий коридор с каменными стенами. Ни свечей, ни ламп. Только чуть уловимое серебристое свечение. Сам воздух пропитан чем-то древним. Он спустился по винтовой лестнице вниз. Чем ниже, тем холоднее становился камень. Чем глубже, тем тише становился мир.

Лестница закончилась. Перед ним раскрылся зал.

Высокие готические своды уходили в полумрак, поддерживаемые массивными каменными арками из тёмного шотландского песчаника. Камень хранил в себе северную строгость, холод ветров и влажность веков, но пространство не выглядело суровым или пустым.

Между колоннами спадали тяжёлые бархатные портьеры глубокого бордового цвета. Ткань была плотной, почти живой, мягко поглощала звук и свет. Золотая отделка тянулась по карнизам, резным панелям стен и рамам старинных портретов, придавая залу торжественную,

выверенную роскошь. Позолота не кричала о богатстве, она подчёркивала линии архитектуры, усиливала тяжесть камня, делая его не мрачным, а величественным.

Под сводами висели хрустальные люстры. Их свет отражался в гранях кристаллов мягкими, рассеянными бликами, мерцая под каменным потолком. Освещение было тёплым, приглушённым, тщательно рассчитанным. Ни резкости. Ни случайных теней. Всё выглядело продуманным до мелочей, как и сами обитатели этого места.

Пол из тёмного полированного камня отражал силуэты гостей. Фраки старого кроя. Атлас. Шёлк. Перчатки до локтя. Изысканные украшения, которые не блестели напоказ, но стоили больше, чем человеческие состояния. Их манеры были безупречны. Движения — медленные, экономные, лишённые суеты. Каждый жест — осознанный. Каждый взгляд — контролируемый.

Музыка мелодично разливалась по залу. Струнный оркестр играл медленный вальс. Скрипки тянули ноты мягко и глубоко, наполняя пространство. Музыканты, живые люди, играли, не поднимая глаз. Их лица были спокойны, чуть отстранённые.

Это не просто бал. Это сохранённая эпоха. Современность присутствовала здесь лишь формально: в скрытой системе вентиляции, в почти незаметных технических деталях, замаскированных под архитектуру прошлого. Но дух времени в этом зале остановился. Здесь продолжали жить по правилам столетий. И власть ощущалась не в крике, не в угрозе, а в традиции. В осанке. В молчании. В том, как гости едва заметно склоняли головы друг перед другом, признавая иерархию без слов.

Когда Кольт вошёл, никто не ахнул и не остановился. Музыка не оборвалась. Пары продолжили плавно двигаться по залу. Но в воздухе что-то изменилось. Невидимая волна прошла по пространству, как холодок по коже. Несколько взглядов скользнули к нему. Медленно. Оценивающе. Узнавая. И в этом зале, где всё было выверено до совершенства, его появление стало единственной настоящей переменной.

Кольт уже и забыл, когда в последний раз бывал здесь. Подобные места никогда не привлекали его. Он сторонился таких собраний, слишком много взглядов, слишком много приговора, слишком много древних игр, в которых каждый считал себя сильнее, чем был на самом деле. Но сегодня обстоятельства не оставляли выбора. Его присутствие здесь было необходимо. Иначе он не выйдет на связь с Аргосом.

Кольт сделал несколько уверенных шагов вглубь зала, растворяясь в ритме музыки и свете люстр. И почти сразу почувствовал на себе внимательный взгляд. Он замедлился. Это было не просто любопытство. Не случайное скольжение глаз. Кто-то наблюдал осознанно.

— Если мне не изменяет память, — раздался за его спиной негромкий голос, — ты избегал подобных вечеров.

Кольт обернулся.

Эдриан Морвейн, его давний друг, стоял в нескольких шагах, вышедший из самой тени. Высокий, чуть выше Кольта, сдержанно элегантен. Чёрный фрак сидел безупречно, подчёркивая сухую, вытянутую фигуру. Светлые волосы, почти серебристые, были аккуратно зачёсаны назад. Лицо спокойное. Глаза тёмные, внимательные, с холодным блеском, который бывает у тех, кто давно научился видеть слабые места. Он выглядел моложе, чем был на самом деле.

— Эдриан, — ровно произнёс Кольт, приветственно кивнув. — Рад видеть тебя.

Морвейн лениво улыбнулся и ответил тем же коротким, сдержанным жестом признания.

Когда-то они проводили вместе достаточно много времени, чтобы перестать быть просто знакомыми. Ещё давно, в Эдинбурге, Кольт надолго задержался, их пути пересекались ежедневно: в залах, в не самых безопасных местах города, в разговорах, затягивавшихся до рассвета. Это не было дружбой в привычном смысле, слишком редким явлением среди вампиров,

но между ними возникло нечто большее, чем просто союз. Доверие, проверенное не словами, а тем, что они не раз вытаскивали друг друга из ситуаций, где ошибаются только один раз.

— Рад, что ты всё ещё узнаёшь старых друзей.

Он сделал шаг ближе, приобнял Кольта, коротко хлопнув его по спине. Кольт ответил тем же, без лишних жестов, но достаточно, чтобы признать прошлое между ними.

— Не ожидал увидеть тебя здесь, — продолжил Эдриан. — Ты всегда предпочитал... более узкие круги.

— Обстоятельства меняются.

— Разумеется, — мягко согласился он, уже понимая, что просто так Кольт здесь бы не появился. Он слишком хорошо знал его.

— И что же привело тебя сегодня? Ностальгия? Или необходимость?

В воздухе мелькнуло напряжение, почти неуловимое, но ощутимое для них обоих. Каким бы близким ни был Эдриан, Кольт не мог сказать правду. Не здесь. Не среди этих стен, где даже тишина могла слушать. Поэтому он мягко сместил разговор, давая понять, что сейчас не время для откровений.

— А что привело тебя?

Эдриан тихо усмехнулся. Он понял сразу, без пояснений.

— Меня? Любопытство... и, пожалуй, скука. — Он чуть склонил голову, прислушиваясь не к музыке, а к самому пространству. — Я привык быть там, где назревают изменения. Где жизнь не застывает в привычных правилах и не становится предсказуемой.

Он замолчал, позволяя музыке заполнить паузу. Лёгкие звуки скользнули между ними, не разрушая напряжения, а делая его тоньше.

Кольт позволил себе короткую улыбку.

— Ты совсем не изменился.

Но Эдриан уже не смотрел на него напрямую. Его взгляд скользил по залу, по фигурам архонов, по теням между колоннами, по балкону, где стояли наблюдатели. Он смотрел рассеянно, но на самом деле считывал каждое движение, каждый сбой в привычном порядке.

— Сегодня здесь слишком много движения под поверхностью, — произнёс он тише. — Ты не находишь?

Кольт ответил спокойно, не позволяя разговору выйти за границы допустимого:

— Я нахожу, что ты всё ещё задаёшь слишком много вопросов.

— Я всегда задавал их ровно столько, сколько нужно, — парировал Морвейн.

Он слегка склонил голову, и в этом жесте было больше внимательности, чем формальной вежливости.

— Совет нервничает. Старшие не вмешиваются. Архоны становятся осторожнее. И вот ты появляешься на балу, куда не приходил годами.

Его взгляд задержался на Кольте чуть дольше.

— Совпадение?

Это не звучало как обвинение. Это было приглашение, проверить, насколько далеко Кольт готов зайти в своём молчании.

Кольт выдержал этот взгляд.

— Тебе следует меньше полагаться на догадки.

— А тебе, наоборот, стоит тщательнее скрывать свои намерения, — мягко ответил Эдриан.

На его лице не было враждебности. Только интерес. Чистый, живой интерес, за которым скрывалось куда больше, чем он позволял увидеть.

Музыка усилилась. По залу прошёл лёгкий шёпот, кто-то уже обратил внимание на их разговор. Несколько взглядов задержались дольше обычного. Здесь не любили, когда кто-то

слишком долго говорил в стороне. Эдриан это почувствовал раньше, чем это стало очевидным. Он отступил на полшага, возвращая дистанцию, необходимую для светской сцены.

— В любом случае, — произнёс он почти непринуждённо, словно разговор не касался ничего важного, — рад, что ты решил выйти из тени. Бал станет интереснее.

Он сделал короткую паузу и добавил тише, уже только для него:

— Если тебе понадобится... помощь, ты знаешь, где меня найти.

Это не было формальностью. В его голосе не звучали сомнения или условия, только спокойная уверенность того, кто однажды сделал свой выбор и не привык от него отступать. Кольт смотрел на него несколько секунд, оценивая не слова, а их вес. Он знал, что на Эдриана можно рассчитывать. Не потому, что тот обещал, а потому что в прошлом уже доказывал это. Эдриан любил опасные игры, тянулся к грани, за которой начиналось настоящее. Долгая жизнь вампира быстро превращала всё привычное в скуку, и он умел находить смысл там, где другие видели риск.

Кольт коротко кивнул, принимая предложение. Эдриан ответил лёгкой, почти тёплой улыбкой, редкой для него и, не говоря больше ни слова, развернулся. Через несколько мгновений он уже растворился в толпе так же легко, как появился, оставив после себя ощущение незавершённого разговора.

Кольт ещё некоторое время стоял неподвижно, ощущая, как невидимые линии внимания сходятся на нём. Он ощущал их физически: взгляды, ожидание, интерес. Бал жил своей жизнью, но теперь он стал его частью. И выйти из этого уже было невозможно.

Помня, зачем пришёл, Кольт медленно осмотрел зал. Высокие своды терялись в полумраке, тени цеплялись за арки, за камень, за фигуры тех, кто предпочитал наблюдать из темноты. Здесь всё дышало властью и угрозой. А в дальнем конце зала, на бархатной софе под высокой аркой, сидела она.

Мелисса.

Светлые длинные волосы были частично собраны, удерживаемые тонкой заколкой, остальные локоны мягкими волнами спадали по плечам, улавливая тёплый золотистый отблеск люстр. Он скользил по каждому изгибу пряди, заставляя их мерцать живым блеском. Глаза ясные, спокойные. В них не отражалось ни одного прожитого столетия, ни тени усталости, ни следа памяти о крови и войнах. Взгляд лёгкий, невинный... и оттого особенно опасный. Слишком чистый для существа её возраста.

На ней — светлое платье из тонкой, почти невесомой ткани, струящейся при малейшем движении. Ткань мягко скользила по её телу, повторяя каждый поворот бёдер. Узкий корсет подчёркивал изящную талию и плавные линии фигуры, придавая образу вызывающую утончённость. Не откровенность, а расчёт. Не соблазн, а инструмент. Мелисса никогда не выглядела случайно красивой. Она выглядела продуманной.

Тонкие украшения переливались на её фарфоровой коже: изящный браслет на запястье, тонкая цепочка у основания шеи, серьги, отражающие свет. Ни одного лишнего акцента. Всё выверено до мелочи. Она не выглядела древней. Она выглядела... живой. Слишком живой для существа, которое пережило века. В ней не было пыли времени. Не было тяжести памяти. И именно это притягивало взгляды. Заставляло забывать, что под этой кожей скрывается хищник.

Её взгляд поднялся на Кольта ещё до того, как он приблизился. Она почувствовала его раньше. Лёгкая игривая улыбка коснулась её губ. Во взгляде вспыхнул живой, насмешливый блеск.

— Кольт... — мягко протянула она, его имя перекатилось на языке, сладким вином. Голос бархатный, ленивый, обволакивающий. — Ты уже давно в Эдинбурге... и за всё это время так и не почтил нас своим визитом.

Она даже не пыталась скрыть осведомлённость. Здесь никто не оставался незамеченным. Тем более архон.

Он остановился в нескольких шагах, на расстоянии, где уже ощущалась её энергия. Но всё ещё вне досягаемости её влияния.

— Мелисса, — произнёс он, обозначив поклон ровно настолько, насколько требовал этикет. — Были дела.

Его голос прозвучал ровно. Без оправданий. Без тепла.

— Дела... — она чуть приподняла бровь, и уголки её губ дрогнули. — И ни одного, которое включало бы меня? Как жестоко.

В её глазах не читалось обиды. Только азарт. Чистый, хищный интерес. Мелисса брала от своей вечности всё, внимание, власть, тела, страсть, игры. Её существование было бесконечным праздником, в котором она всегда играла главную роль. А перед ней стоял архон, который не спешил склоняться, не искал её взгляда, не пытался заслужить расположение. Закрытый. Неподатливый. Недоступный. И это возбуждало её куда сильнее, чем любая покорность.

Она медленно поднялась. Не торопясь. Позволяя залу заметить это движение. Позволяя взглядам скользнуть по ней. Бёдра плавно качнулись, естественно, без показной игры. Из высокого разреза мелькнула длинная нога, ткань платья мягко потянулась за ней шлейфом. Каменные своды, казалось, отражали её шаги, усиливая каждый звук каблуков.

Она подошла ближе. Слишком близко. Её аромат, тонкий, сладковатый, с ощутимой металлической нотой, обволакивал, напоминая о природе их обоих. Мелисса коснулась его плеча. Легко. Кончиками пальцев. Она задержала руку чуть дольше, чем позволяла формальность.

— Раз ты пришёл сюда... — прошептала она у самого его уха, и лёгкий холод её близости коснулся его кожи, — значит, тебе что-то нужно. Но я хочу верить, что не только это.

Пальцы медленно скользнули вниз по его руке, оставляя за собой ощутимый след. Кольт оставался неподвижен. Ни напряжения мышц. Ни ответного движения. Только спокойный, прямой взгляд, в котором не отражалось ни её тела, ни её игры. Это её забавляло.

— Нужно, — подтвердил он.

Коротко. Чётко. Её улыбка стала шире. Насмешка растворилась, уступив место чистому, сосредоточенному интересу.

— Ты всегда был таким серьёзным...

Она двинулась, описывая вокруг него полукруг, осматривая его как редкий экспонат. Каблуки тихо касались пола. В её движениях не было суеты, только уверенность существа, которое привыкло, что пространство уступает ей. Кольт не шелохнулся. Взгляд холодный, неподвижный. Он пришёл сюда не ради флирта. И уж точно не ради того, чтобы стать частью её представления.

Воздух в зале оставался спокойным. Слишком спокойным. Никто не поворачивался открыто. Никто не смотрел прямо. Но внимание смещалось тонко, почти незаметно, как изменение течения в воде. Здесь не наблюдали из скуки. Здесь наблюдали, чтобы запомнить. Чтобы использовать. Кольт чувствовал это безошибочно. Мелисса тоже. Она остановилась напротив. Подняла глаза. Пальцы медленно скользнули по его груди, намеренно, без тени случайности.

— Тогда... — её голос стал ниже, мягче, глубже, — ты должен мне танец.

Она играла. Проверяла границы. Проверяла его выдержку. Но лёгкость в её взгляде исчезла. А Кольт сохранял полное самообладание. И в этом контроле было больше угрозы, чем в любом сказанном слове.

Он протянул ей руку, приглашая на танец, принимая правила её игры. В её улыбке проскользнуло удовлетворение. Она добилась своего. Мелисса вложила ладонь в его широкую, холодную руку. Её кожа была такой же прохладной, но контраст ощущался иначе. Соприкоснулись два хищника, проверяющие силу друг друга. Касание оказалось неожиданно острым,

почти электрическим, между ними замкнулась невидимая цепь. Мелисса не спешила отстраняться. Напротив, позволила паузе растянуться. Пальцы лениво скользнули по его ладони, вдоль линии запястья, задержались на секунду дольше. Движение было мягким, выверенным, слишком осозанным, чтобы быть случайным.

В её прикосновении не было тепла, только скрытый смысл. И обещание. Она отняла руку медленно, нехотя, оставляя после себя лёгкое ощущение присутствия, не на коже, а глубже. Кольт не изменился в лице. Ни тени реакции. Ни малейшего сбоя в идеально выверенном самообладании. Но в её глазах вспыхнул интерес. Она пыталась раскатать его, и пока не понимала, удалось ли.

Они вышли на середину зала. Музыка уже звучала, глубокая, с тяжёлым, размеренным ритмом. Ноты тянулись, как густая тень под сводами, обволакивая пространство. Несколько пар уже двигались, но, когда Кольт и Мелисса заняли пространство перед ними, место освободилось. Внимание сместилось.

Кольт остановился. Его ладонь легла на её талию, уверенно, без колебаний. Не притягивая, не сжимая. Просто обозначая позицию. Мелисса подняла руку и опустила её ему на плечо. Пальцы изящно изогнулись, касаясь тёмной ткани его фрака, задержались на лацкане, проверяя его реакцию. Однако она не стала придерживаться дозволенной дистанции. Вместо этого сократила её, шагнув ближе, чем требовал этикет. Её тело мягко коснулось его, слишком плотно для формального танца, слишком намеренно, чтобы быть случайностью.

Музыка сделала паузу, и они двинулись. Первый шаг плавный, выверенный. Второй точный, как заранее рассчитанная траектория. Их движения совпали без слов, без взгляда, тело само помнило этот ритм. Вампиры не учатся, они запоминают навсегда.

Мелисса двигалась гибко, текуче. Её платье скользило вокруг ног, ткань повторяла повороты. Она вновь приблизилась, позволяя границе между ними стать тоньше. Её бедро коснулось его бедра в развороте, почти невесомо.

Кольт вёл.

Не демонстративно. Не резко. Но твёрдо. В его движениях не было игры, только контроль. Он задавал темп, задавал направление, задавал дистанцию. И каждый раз, когда Мелисса пыталась приблизиться чуть больше, чем позволял танец, он возвращал её ровно туда, куда считал нужным.

Её губы дрогнули.

— Ты всё такой же... Кольт. Однако... — она сделала короткую паузу, позволяя тишине между ними стать ощутимой. — Что-то в тебе изменилось.

Он не отвёл взгляда.

— Мы давно не виделись. Ты могла подзабыть, Мелисса, — сдержанно ответил он.

В его голосе не было ни раздражения, ни тепла. Оставалась ровная, выверенная интонация.

— У меня очень хорошая память, — произнесла она.

Её взгляд стал внимательнее. Глубже. Она смотрела не на его лицо, а сквозь него, пытаясь нащупать трещину под идеально выстроенным спокойствием.

— Неужели... — она снова замолчала, давая паузе растянуться. Давая догадке родиться в его мыслях прежде, чем произнести её вслух. — В мёртвом сердце что-то ожило?

Музыка продолжала звучать, но на мгновение всё вокруг стало тише.

Кольт не ответил. Вместо слов он сделал шаг, резкий, точный, меняя рисунок танца. Его ладонь на её талии стала твёрже, движение увереннее. Он увлёк её в поворот, не давая задержаться в этом вопросе, не позволяя ему повиснуть между ними.

Мелисса поддалась, плавно, без сопротивления, но её глаза не отпускали его лица. Он не дал ей ответа. Он дал ей ритм.

Шаг. Разворот. Сближение. Его рука направляла её без усилия. Сам воздух подчинялся его воле. Дистанция изменилась, теперь уже он решал, насколько близко она может находиться.

Зал наблюдал. Никто не вмешивался. Никто не отворачивался. Вампиры следили с тем самым спокойным интересом, за которым всегда скрывается хищное внимание. В их мире подобные танцы никогда не были просто танцами. Музыка становилась глубже. Темнее. Ноты тянулись медленно, вязкой тенью расплываясь под сводами зала.

— Сердца не оживают, Мелисса, — наконец произнёс Кольт.

Он завершил танец без резкости, но и без мягкости, чётким, выверенным движением, возвращая её в исходную позицию. Дистанция восстановлена. Ритм обрублен. Мелисса изящно поклонилась, принимая правила партии. Её ресницы опустились, скрывая выражение глаз. Затем она взяла его под локоть. Жест выглядел лёгким, невинным. Но пальцы сомкнулись чуть крепче, чем требовала формальность.

— Поговорить лучше наедине, — тихо произнесла она, не глядя на него, сохраняя на губах ту же кокетливую улыбку, предназначенную для зала. Со стороны это выглядело как продолжение флирта. На самом деле, начинался разговор, ради которого Кольт сюда и пришёл.

Он повёл Мелиссу из центра зала, мягко, направляя её прочь от взглядов. Музыка осталась позади, растворяясь в каменных сводах. Они двигались в сторону дальних коридоров, туда, где свет становился приглушённым, а голоса тише. В те комнаты, что не значились на официальных планах этого дома. Там вампиры уединялись. Кто-то ради утоления голода. Кто-то искал удовольствий, которые не принято демонстрировать при свете люстр. Кто-то выбирал эти комнаты для разговоров, слишком откровенных для зала. Здесь не задавали вопросов. И не запоминали того, что не следовало помнить.

Шаги эхом отражались от камня. Пальцы Мелиссы всё ещё лежали на его локте, лёгкое прикосновение, которое выглядело непринуждённым, но не было случайным. Она не спрашивала, куда он ведёт. Она понимала.

Как только Кольт закрыл дверь, отрезая их от шума зала, тишина стала ощутимой. Глухие аккорды тянулись за стеной, напоминая, что светская игра осталась по ту сторону двери. Мелисса не убрала рук. Шагнула ближе. Её ладони легли ему на грудь, скользнули выше, к широким плечам, задержались там. Она проверяла, насколько прочна стена его спокойствия. Движение было медленным. Осознанным. Слишком плавным, чтобы быть случайным. Кольт перехватил её запястья. Не резко. Осторожно, но твёрдо. Его пальцы сомкнулись вокруг её рук, останавливая их на уровне груди.

— Я пришёл сюда не за этим, Мелисса.

Кольт не оттолкнул её. Но и не позволил приблизиться дальше. Между ними повисла тишина, уже не кокетливая, а выжидающая.

Её губы изогнулись чуть шире.

— Разумеется. Ты слишком серьёзен для подобных слабостей.

Она чуть наклонилась ближе.

— Но тебе что-то от меня нужно, Кольт. А я редко помогаю просто так.

Кольт посмотрел на неё уже серьёзно. Холод исчез из игры, осталась только сосредоточенность. Он был готов к этому. В мире вампиров не существовало безвозмездной помощи. Каждая услуга имела цену. Каждый жест последствие.

— Какова твоя цена? — спокойно спросил он.

Кольт готовился обсуждать условия. Мелисса чуть склонила голову, принимая это.

— Для начала, скажи, что тебе нужно.

Она медленно прошла в центр комнаты, туда, где стоял массивный деревянный письменный стол. Тёмное дерево отражало приглушённый свет, придавая пространству камерную тяжесть. Мелисса опустилась на край стола, легко, будто это был трон, а не предмет мебели. Откинулась назад, опершись ладонями о гладкую поверхность. Разрез платья приот-

крыл линию ноги, и она лениво качнула ею — привычное, почти невинное движение. Затем плавно закинула одну ногу на другую, позволяя ткани соскользнуть чуть выше, чем того требовали приличия, и откровенно обозначить отсутствие белья. Движение было выверенным, лишённым суеты, не случайным, а рассчитанным до мелочей.

Её взгляд стал томным, губы приоткрылись едва заметно, ровно настолько, чтобы это выглядело естественно и в то же время намеренно. Она смотрела на него снизу вверх, с тем самым выражением, где смешивались интерес, уверенность и ожидание реакции.

Мелисса продолжала соблазнять его медленно, заранее зная исход. За годы своего существования она научилась управлять вниманием. Научилась чувствовать момент, выдерживать паузу, усиливать напряжение одним движением плеча, одним взглядом из-под ресниц. И прежде она никогда не получала отказа.

Но взгляд Кольта не изменился. В нём не было ни желания, ни раздражения, ни смущения. Сохранялась холодная, собранная концентрация на том, что его интересовало. И именно это её задело. Её не привыкли игнорировать. Отсутствие реакции оказалось куда более провокационным, чем любой ответ. Внутри неё вспыхнул азарт, не столько чувственный, сколько хищный. Интерес к нему стал острее. Кольт перестал быть целью лёгкой игры. Он стал вызовом.

— Ты ведь не ради танца пришёл, — добавила она. — И не ради воспоминаний.

Её пальцы скользнули по краю стола.

— Так скажи мне, архон... во что ты собираешься вмешаться на этот раз?

Кольт подошёл к ней без спешки, уверенно сокращая расстояние. Остановился почти вплотную, перехватывая инициативу. Его пальцы коснулись её подбородка, твёрдо, но без грубости. Он приподнял его, вынуждая её встретиться с ним взглядом. Движение было спокойным. Уверенным. Не просьбой, решением. Мелисса подалась вперёд, позволяя этому жесту случиться. Не подчиняясь, а принимая правила, которые он только что обозначил. В её глазах не было протеста — внимательность. И лёгкое признание: он снова стал игроком.

— Мне нужен Аргос.

Имя прозвучало жёстко. Без украшений, без обходных формулировок. От одного его упоминания в комнате стало холоднее. Взгляд Мелиссы изменился. Лёгкость исчезла. А затем смех Мелиссы разлился по комнате, тихий, бархатный, с металлической ноткой.

— Аргос... — она повторила имя, вслушиваясь в его звучание. — Ты же знаешь, к нему не так просто попасть?

Мелисса не отстранилась. Её пальцы скользнули по его запястью, удерживая его руку у своего лица.

— Даже архоны не приходят к Старшим по собственной воле.

— Именно поэтому я и пришёл к тебе, — ответил Кольт.

Без вызова. Без просьбы. Просто факт.

Мелисса смотрела на него внимательно. Теперь без притворства.

— Значит... — её голос стал тише, глубже, — дело серьёзнее, чем я предполагала.

Она медленно провела взглядом по его лицу, сверяя услышанное с тем, что знала о нём прежде.

— Но Аргос не выходит к тем, кто ищет аудиенции ради слов. И тебе это известно.

В её глазах мелькнуло что-то древнее и недоброе.

— Так скажи мне, Кольт... что ты собираешься ему предложить?

Между ними повисла пауза. Не неловкая, выверенная. Они оба умели ждать. Кольт ответил не сразу. Он отпустил её подбородок, но не отступил. Его рука опустилась, однако дистанция осталась прежней, слишком близкой для формального разговора.

— Причину выйти из тени.

Мелисса чуть склонила голову. Пальцы лениво прошли по краю стола, ноготь мягко царапнул полированное дерево.

— Причин у этого мира всегда достаточно, — произнесла она негромко. — Но Аргос не реагирует на шум.

Мелисса соскользнула со стола плавно, без усилия, и обошла его медленным кругом. Теперь она смотрела на него иначе, не как на мужчину, а как на интерес, достойный вложений.

— Тогда на что он реагирует?

Кольт не следил за её движением взглядом. Он ощущал её так же ясно, как ощущал изменение температуры в комнате.

— На нарушение баланса.

Её шаг замедлился.

— Совет ошибся? — спросила она мягко, но в голосе больше не было игривости.

— Совет, в поиске Старших архонов, теряет контроль и идёт на крайние меры, — ответил Кольт уклончиво.

Он говорил спокойно, без нажима. И именно это делало слова опаснее. Кольт не мог упоминать Виолетту. Ни при каких обстоятельствах. Даже имя могло стать поводом для охоты. Если высшая элита узнает о её силе, она перестанет быть обычным дампиром. Она станет ресурсом.

Тишина стала плотнее. Даже стены, казалось, прислушивались. Мелисса остановилась перед ним. Её глаза больше не улыбались. Она шагнула ближе, уже не соблазняя, а оценивая.

— Ты играешь слишком крупно, Кольт.

— Я не играю.

Её губы дрогнули. Не в улыбке, в предвкушении.

— Если Аргос выйдет, последствия будут необратимыми. А если ты не заинтересуешь его... последствия коснутся тебя.

— Я рассчитываю именно на это, — твёрдо ответил он.

Вновь повисла пауза. Она изучала его лицо внимательно, искала трещину. Слабость. Сомнение. Намёк на личную мотивацию.

Ничего.

— И что же ты собираешься ему предложить? — повторила она тише.

Кольт сделал шаг вперёд. Теперь уже он оказался ближе, чем позволяла осторожность. Его голос стал ниже.

— Возможность.

— Возможность чего?

Её пальцы легли на его грудь, проверяя, дрогнет ли он.

— Переписать расстановку сил.

На этот раз Мелисса не улыбнулась. В её глазах впервые появилось не возбуждение, а холодный расчёт. Она убрала руку.

— Ты хочешь, чтобы Старший вмешался против Совета?

— Я хочу, чтобы он увидел то, что слишком долго предпочитал не замечать.

Комната сжалась. Мелисса отступила, её взгляд потемнел, она просчитывала последствия.

— Ты рискуешь всем, — тихо заметила она.

— Я знаю.

Мелисса подняла на него взгляд, теперь без маски.

— Вот теперь, — сказала она, — ты меня действительно заинтересовал.

И впервые за весь вечер её улыбка утратила игривость, в ней проступила угроза.

Глава пятая

— Виолетта, вставай, — нежный, заботливый голос звал меня. — Виолетта...
Такой родной. Такой близкий. И до боли знакомый.

Я напрягла память, пытаясь вспомнить, кому он принадлежит. Но воспоминания ускользали, рассыпались, как песок сквозь пальцы. Я уходила от всего, что было в моей жизни. Отпускала медленно, по кусочкам, не обрывки прошлого и не прожитые моменты, а что-то далёкое и чужое, теряющее смысл с каждым мгновением. Даже боль, терзания и чувство вины постепенно тускнели. Я растворялась в небытии, исчезала сама из себя. Но этот голос...

— Девочка моя, очнись, — вновь настойчиво позвал он.

Девочка моя...

Слова прозвучали так близко, рождались не извне, а из самой глубины груди. Я почувствовала едва уловимое тепло, забытое, утраченное. Как осторожное прикосновение к руке, лёгкое, но достаточное, чтобы всколыхнуть во мне что-то живое. Что-то, что всё ещё хотело бороться.

Сколько прошло времени: минуты, часы или дни, я не знала. Во тьме, окутавшей мой разум, сознание и тело, само понятие времени исчезло. Я всё дальше отдалялась от реальности, погружаясь в мир, где не было ни боли, ни страха, ни необходимости сопротивляться. Тьма сомкнулась вокруг плотным коконом, оберегая, не позволяя ничему вмешаться. Никому нарушить это тяжёлое, мёртвое спокойствие.

Никому... кроме этого голоса.

Он прорезал темноту, как тонкий луч, почти незаметный, но упрямый. Указывающий путь. Узкую тропу, по которой ещё можно было вернуться.

— Она реагирует, — в другом голосе прозвучали удивление и воодушевление, он стал ближе, отчётливее, пробиваясь сквозь тьму.

— Да... — вновь донёсся до моего разума тот самый голос, который я так отчаянно пыталась узнать.

Он потревожил меня. Всколыхнул сознание, коснулся самой глубины, напоминая: где-то всё ещё существует реальный мир. Мир, в котором есть свет. Дыхание. Чужие руки. Тепло.

— Александра, ты видишь её страхи?

Александра.

Имя прозвучало так близко, так болезненно знакомо, что внутри что-то резко сжалось, сердце сделало неровный удар, упрямо отказываясь отпустить это ощущение.

— Это защитная оболочка, — ответила Александра, та, к которой обращались. Её голос был мягче, спокойнее, но в нём чувствовалась усталость.

— Слишком много боли. Слишком много страха она пережила, закрываясь от всех, прячась в этом состоянии... и в том, что овладело ею.

Слова отзывались где-то глубоко, но доходили сквозь плотную пелену. Между нами лежала не просто темнота, а целый слой чужого, вязкого мира, в котором мне уже становилось спокойно. Безопасно. Но имя продолжало звучать внутри. Снова и снова.

Александра...

Если я продолжу отстраняться, я просто перестану существовать по-настоящему. Не исчезну сразу, не растворюсь в одно мгновение, а медленно сотрусь, как рисунок, к которому раз за разом прикасаются влажной ладонью.

Я отказалась делать выбор. Отказалась принимать тьму, хотя она всё так же нависала надо мной, терпеливо, неизбежно. Стоило только попытаться открыть глаза, не физически, а внутри, как её мрачный образ возникал снова. Чётко. Близко. Слишком близко.

Теперь тьма всегда стояла рядом со мной. Я привыкла воспринимать её не только как часть себя, но и как нечто отдельное. Постороннее. Самостоятельное. Тьма больше не была просто ощущением или вспышками внутри, она присутствовала. Наблюдала. Ждала. Оставалась единственной рядом со мной в этом новом мире. Она... и Кольт.

Он всё ещё присутствовал где-то в глубине моего сознания, не как голос, не как образ, а как ощущение. Как отголосок связи, которая когда-то была живой и настоящей. Я не знала, что именно удерживало его там.

Память? Моё упрямое нежелание отпустить? Или сама тьма помнила его прикосновение, тот момент, когда она связала нас воедино, переплела кровь и силу?

Возможно, я цеплялась за него сама, за воспоминания, за тепло, за то чувство, которое оказалось сильнее страха. Может быть, именно потребность в нём не позволяла мне окончательно раствориться. Она становилась моей надеждой. Моим якорем, тем единственным, что удерживало меня у границы реального мира. Только Кольт мог разделить мою тьму. Облегчить боль, которую я больше не умела нести одна. Я не справлялась. Была слаба. Беспомощна перед тем, что жило во мне и медленно разрасталось, занимая всё пространство.

Но Кольта рядом не было. В отличие от тьмы. От холодной сущности, которую я теперь могла не только ощущать, но и видеть.

Каждый раз, когда она появлялась, пространство вокруг меня менялось. Оно подстраивалось под её природу, перестраивалось, вытесняя всё живое. Иногда это был тёмный, вязкий мир без границ, где не существовало ни направлений, ни звуков, только густая, неподвижная глубина. Иногда, сплошная, безжизненная пустота, где даже время останавливалось, растягиваясь в бесконечность.

И всегда мы были вдвоём. Стояли друг напротив друга.

Я не испытывала страха перед ней. Это пугало больше всего. Наоборот, я начинала привыкать. Наблюдать. Изучать её движения, её молчание, её присутствие. Пытаться понять, где заканчивается тьма и начинаюсь я.

А может, она и есть я сама? Та часть, которую я так долго отрицала.

— Есть улучшения? — разнёсся по комнате уверенный, жёсткий мужской голос, вторгаясь в моё сознание, как острый предмет, разрывающий плотную ткань тьмы.

Он не просто звучал, он давил. В нём ощущалась власть. Привычка повелевать. Привычка решать судьбы.

— Есть, господин Маврос, — ответил другой, женский голос. Усталый, но сдержанный. — После того как Александра начала разговаривать с Виолеттой, заметны первые реакции. До этого она ни на что не реагировала.

Александра...

Имя вновь отозвалось внутри болезненным импульсом.

— Отлично, — произнёс он с холодным удовлетворением. — Значит, профессор Костаки, вы больше не нужны Совету. Вам здесь делать нечего.

Пауза. Короткая, выверенная.

— Но это не освобождает вас от должности. Вы вернётесь в школу. Пока.

Это «пока» прозвучало как приговор, отложенный во времени.

— Если же вы вновь окажетесь бесполезны, Совет не будет столь милостив к вам.

Он замолчал на секунду, давая словам осесть, пропитаться страхом.

— Вы меня поняли, Юдора Костаки?

— Да, господин Маврос... — в её ответе слышалось напряжение, которое она пыталась скрыть.

— Уходите отсюда. И если вы хоть кому-то проболтаетесь о том, что здесь происходит, Совет казнит вас без разбирательств.

Теперь в нём не было ни тени попытки смягчить сказанное, ни стремления облечь угрозу в удобные слова. Он не повышал тон, не делал пауз ради эффекта, говорил ровно, спокойно, почти буднично. И именно эта обыденность утяжеляла каждое слово. Это звучало как распоряжение, уже принятое к исполнению.

— Не тратьте больше наше время.

Он говорил с холодной уверенностью, с той самой самодовольной точностью, за которой не оставалось сомнений. Он возомнил себя воплощением Совета, их воли, их жестокости, их холодной логики. Принял на себя роль не просто представителя, а вершителя судеб.

— А что касается вас, Александра... — он нарочито выделил её имя, растянул на долю секунды, проверяя, как оно звучит, когда произносится с позиции власти.

Это было не обращение. Напоминание.

Внутри меня всё сжалось. Тишина, в которой я почти растворилась, треснула. Их диалог прорезал моё монотонное спокойствие, как тонкая трещина по стеклу. Слова достигали меня не только слухом, они отзывались глубже, где-то в сознании, заставляя реагировать, несмотря на попытку отстраниться. Имя, произнесённое его голосом, возвращало меня в происходящее.

— То вы пока ещё окажете помощь и содействие Совету, тем самым отсрочивая вашу уже вынесенную казнь.

Александра.

Казнь?

Слова пронзили меня, раскалывая хрупкий барьер между мной и внешним миром. То, что я так отчаянно заглушала, всплыло сразу: боль, вина, переживания, утонувшие на время во тьме. Они не исчезли. Они ждали. Меня резко выдернули из вязкой пустоты в реальность. Я снова почувствовала ту невидимую связь, удерживающую меня на поверхности, не позволяющую окончательно раствориться.

И в этот момент стало ясно: речь не о формальности. Александра. Моя наставница. Её уже приговорили.

— Не знаю, как у вас получается возвращать Виолетту и воздействовать на неё, — продолжил Маврос, — но советую вам поспешить. Совет ждать не умеет. Вам дан срок, три дня.

Три дня. Эти слова ударили громче любого приказа.

— Но, господин Маврос... — в голосе Александры впервые прозвучало напряжение, почти отчаяние.

— Никаких «но»! — резко оборвал он.

В его интонации не было ни сомнения, ни колебания. Лишь раздражение от того, что кто-то осмелился возразить.

— Разговор окончен.

Громкие шаги эхом разнеслись по помещению, чётко отбивая ритм по каменному полу. Тяжёлые. Отдаляющиеся. Каждый удар отзывался во мне, отсчитывая время. С каждым шагом пространство освобождалось от его присутствия. Воздух перестал казаться сжатым, стены больше не давили, но напряжение, повисшее между словами, не исчезло. Оно осело тонким, невидимым слоем. Осталось в его голосе. В угрозе. В сроке. В трёх днях, отведённых на моё возвращение.

Три дня.

Слишком мало, чтобы что-то исправить. Достаточно, чтобы всё потерять.

И впервые за всё время, проведённое в забвении, во мне дрогнуло нечто, похожее на выбор. На слабое, почти неуловимое желание вырваться. Освободиться от этого вязкого небытия, которое я сама когда-то позволила себе принять как спасение.

Александра.

Теперь я вспоминала её полностью. Не обрывками. Не тенями. Имя прожигало память, разум, мысли, настойчиво, болезненно, не позволяя снова спрятаться. Оно вытягивало меня

наружу, туда, где боль была настоящей. И если я снова ничего не сделаю, если позволю тьме увести меня глубже, это станет концом.

Не Совет. Не казнь. А собственное бездействие.

Я ведь сама ушла от реальности. От мира, который терзал меня снова и снова, причиняя боль, страх, утраты. Я закрылась, спряталась, позволила тьме стать моим убежищем. Но сейчас, впервые за долгое время, я захотела вернуться. Не потому, что стало легче. А потому что стало страшно потерять то небольшое, что ещё связывало меня с жизнью.

Александра.

Это имя несло в себе тепло. Единственное родное тепло, которое я могла ощутить сквозь толщу мрака. Оно не гасло, даже когда всё остальное во мне меркло. Долгое время именно та, кому принадлежало это имя, удерживала меня среди живых. Не силой. Не приказом. Присутствием. Именно Александра научила меня заботе, тихой, почти незаметной. Мягкости, которой в нашем мире не учат. Доверию, опасному, хрупкому.

Любви.

Запретному чувству, которое среди дампиров считалось слабостью. Ошибкой. Роскошью, которую не позволяют себе те, кто должен выживать. Но именно любовь к ней давала мне надежду. Давала смысл. Давала причину не раствориться окончательно. Желание жить, несмотря ни на что.

Медленно мир заново открывался для меня, начали проступать первые краски. Сначала пятна света. Затем очертания. Линии. Образы. Я напрягала память, тянула её к себе сквозь сопротивление тьмы. Цеплялась за ускользающие фрагменты прошлого, за голоса, за лица, за прикосновения. За всё, что ещё не утонуло в пучине мрака, не растворилось в его холодной бесконечности. Каждое воспоминание давалось с усилием, будто я поднималась против течения. Но вместе с ними возвращалось ощущение себя. Я не хотела исчезать. Не теперь. Не тогда, когда ещё оставалось ради чего держаться.

Темнота не исчезла сразу, она не отступает так просто. Она медленно разжала пальцы, которыми удерживала моё сознание, и начала расступаться, тяжёлой завесой пропуская тонкую полоску света. Сначала я не поверила этому ощущению. Свет казался чужим, непривычным, почти болезненным. Он не ослеплял, он напоминал. И вместе с ним пришли образы.

Александра. И я... маленькая.

Я увидела себя такой, какой уже давно не помнила. Худые колени в свежих ссадинах, пластырь, наклеенный неровно и уже отклеивающийся по краям, растрёпанные волосы, падающие на лицо. И взгляд, слишком серьёзный, слишком взрослый для ребёнка. В нём уже тогда было напряжение.

Я стояла посреди комнаты, сжав кулаки так сильно, что побелели пальцы. Маленькая, упрямая, готовая защищаться, даже если никто не нападал. Жизнь для меня уже тогда была полем боя, и я проходила ещё один урок, который давался мне с трудом. Учёба с самого начала шла со мной вразрез. Буквы путались, строки расплывались, а внутри росло ощущение собственной несостоятельности.

А она сидела напротив, на диване, аккуратно скрестив ноги. Прямая спина, спокойные руки, сложенные на коленях. Вся её поза собранная, сдержанная, почти строгая. Такой она была всегда, уверенной, выверенной. Внутри неё не было хаоса. Рядом с Александрой я особенно остро чувствовала собственную неуклюжесть.

Но взгляд...

В её взгляде не было ни раздражения, ни усталости от моего упрямства. Она смотрела на меня, видя не вспышку гнева, не детскую слабость, а нечто важное. Словно в этой маленькой девочке с ссадинами и сжатыми кулаками было что-то ценное. Что-то, что нужно не ломать, а беречь.

Это было так давно, что воспринималось не воспоминанием, а сном. Эти годы прожила не я, а кто-то другой. Та девочка принадлежала другой жизни, другой реальности, где ещё не было тьмы, Совета и страха потерять себя. Я почти забыла, какой была тогда.

Александра держала в руках старую книгу. Когда я была совсем маленькой, она читала мне сама, и я любила слушать её голос, спокойный, ровный, тёплый. Он убаюкивал, создавал ощущение защищённости. Но когда я подросла, она стала учить меня читать. И в тот день мы читали вслух, по очереди. Я путалась в буквах, в словах, сбивалась, злилась. Строки казались насмешкой.

Я швырнула книгу на диван.

— Я не хочу, — упрямо сказала я. — У меня не получится.

— Получится, — спокойно ответила она. — Ты просто боишься ошибиться.

Я отвернулась. Ошибаться было стыдно. Быть несовершенной — страшно. Особенно рядом с таким идеальным примером, как она. К которому я стремилась даже в детстве, и каждый раз чувствовала, что не дотягиваю.

Тогда Александра встала. Не стала читать дальше. Не стала наставлять. Она просто подошла и обняла меня. Без слов. Без давления. Я сначала замерла, не зная, как реагировать. А потом уткнулась лицом в её плечо. И в тот момент мне было позволено быть не сильной. Не лучшей. Просто ребёнком.

— У тебя всё получится, Виолетта, — тихо сказала она. — Я знаю. Я в тебя верю.

И в этом не было ни магии, ни долга, ни силы. Только простое, человеческое принятие.

Сейчас, когда свет медленно проникал в моё сознание, я поняла: я уже боялась, и не раз. Уже хотела сдать, и не единожды. Но всегда делала паузу. Плакала. Злилась. И всё равно возвращалась к книге. К попытке. К жизни.

И сейчас я тоже не могу сдать. Не могу уйти.

Образ маленькой меня стоял перед глазами, живой, упрямой, ещё не сломанной. И рядом Александра, чьё присутствие всегда означало безопасность и любовь. Темнота всё ещё была где-то рядом. Я чувствовала её дыхание за спиной. Но теперь между нами появился свет, тонкий, хрупкий, как нить, натянутая сквозь бездну.

— Ты сможешь вернуться, — голос Александры вновь коснулся моего слуха. — Ты сильная, девочка моя.

И впервые за долгое время я поверила не тьме. А ей.

Ощущения тела медленно возвращались ко мне. Не резко, не болезненно, по одному уходили тонкие иглы, которыми я была приколота к неподвижности. Сначала пришло странное расслабление, почти облегчение, а следом тяжёлое онемение. Оно коснулось ног, затем рук, прокатилось по телу ленивой волной, оставляя за собой слабость.

Вместе с этим ощущением вернулся холод. Он исходил от каменной поверхности, на которой я лежала. Камень был безжалостным, плотным, чужим, лишённым тепла. Поясница ныла тупой болью, лопатки приросли к этой поверхности, похоже, я пролежала так не часы, а дни. И только сейчас я осознала, что одежда прилипает к коже, я мокрая. Скорее всего, меня обмазали чем-то: лекарством, настоем, влажной смесью, от которой исходил терпкий запах трав и чего-то металлического.

Я осторожно попыталась пошевелить пальцами. Медленно. Почти незаметно. Не знаю, сколько времени я пролежала без движения, но пальцы не хотели слушаться. Кровь отхлынула от них, они больше не принадлежали мне. Я сосредоточилась на этом ощущении, как на единственной точке опоры. Если я могу почувствовать пальцы, значит, я всё ещё здесь.

Я сделала глубокий вдох. Воздух ворвался в лёгкие резко, обжигая изнутри. Грудная клетка болезненно расширилась, и на мгновение мне показалось, что я задохнусь от собственного усилия. Но вместе с этим вдохом пришло и другое, осознание.

Я жива.

Это был новый рывок. Новая попытка вернуться. Вырваться из вязкого мрака, который так долго держал меня. Свет за закрытыми веками становился ярче. Уже не тусклым пятном, а настоящим, живым. Он давил, требовал, звал.

И вдруг...

Я почувствовала, как чьи-то тёплые пальцы накрыли мои. Осторожно. Нежно. Почти боясь спугнуть. Это прикосновение было не требовательным, не жёстким. В нём не было приказа. Только забота. Человеческое присутствие рядом.

Я вцепилась в это ощущение всей своей оставшейся силой. Оно стало для меня ниточкой, по которой можно было тянуться вверх, к свету, к дыханию, к реальности. Это тепло не давило, не жгло, не вытягивало силы. Оно поддерживало.

Ещё усилие.

Я собрала остатки воли, с усилием, тяжело, и медленно, почти болезненно приподняла веки. Это оказалось единственным движением, которое мне подчинилось. Осторожное, неуверенное, я боялась спугнуть саму реальность. Свет хлынул внутрь. Сначала расплывчатый, размытый. Потом очертания. Тени. И где-то рядом, всё ещё это тепло. Рука, не отпускаящая мою.

Я вернулась.

Александра крепко сжимала мою руку. Только теперь я по-настоящему ощутила силу её пальцев, напряжённую, почти болезненную. От её ладони исходило тепло. Живое. Настоящее. Оно медленно разливалось по телу, возвращая ощущение присутствия.

Когда зрение окончательно прояснилось, я увидела её.

Сколько времени прошло с нашей последней встречи?

Только сейчас я поняла, как отчаянно скучала по ней, как сильно мне её не хватало. Однако выглядела Александра плохо, слишком плохо. Я с трудом узнавала в ней прежнюю её. На ней был тёмно-серый костюм, помятый, небрежный, совсем не похожий на её привычный собранный образ. Волосы были наспех стянуты в пучок. Под глазами залегли глубокие тени, губы пересохли, потрескались. Она заметно исхудала. И раньше Александра не отличалась полнотой, её тело оставалось сильным, собранным, с выраженным мышечным рельефом. Воином. Но сейчас эта сила ушла. Плечи стали уже. Скулы резче. В движениях появилась усталость. Она давно не держала в руках меч. Не тренировалась. Не жила, а выживала.

Видеть её такой здесь оказалось почти невыносимо. Мне хотелось расплакаться. Я попыталась сжать её руку в ответ, но вышло слабо. Пальцы дрогнули. Сил не хватало. Тело всё ещё не подчинялось мне, истощённое, тяжёлое.

— Виолетта... — произнесла она, внимательно вглядываясь в моё лицо, не решаясь поверить, что я действительно очнулась.

Я почувствовала лёгкий укол в запястье и опустила взгляд. Капельница. Прозрачная жидкость медленно стекала по трубке. Так поддерживали жизнь в моём ослабленном теле.

— Ты очнулась?

Впервые её голос звучал неуверенно. Сломленно. Почти безжизненно.

— Да... — выдохнула я. Голос не слушался, охрип, я и правда не говорила очень долго.

— Что произошло с тобой? — спросила она с тревогой.

— Где мы? — перебила я, игнорируя её вопрос.

Я понимала, куда меня могли забрать. Но всё же цеплялась за слабую надежду, что это не так.

— Мы в Совете, Виолетта... — её голос стал тише. — Ты здесь уже месяц.

Месяц.

Она едва сдерживала слёзы. И это пугало. Александра никогда не теряла самообладания. Никогда не позволяла себе выглядеть сломленной. Её сила всегда держала её на ногах, даже тогда, когда всё вокруг рушилось. Она умела подбадривать, поддерживать других, находить слова, которые возвращали надежду.

Но не сейчас.

Время, проведённое здесь, изменило её. Стерло ту непоколебимую уверенность, к которой я привыкла. И теперь я тоже была здесь.

— Что произошло, Виолетта? — повторила она.

— Я потеряла контроль.

Тело начало знобить.

Только теперь я осмотрелась.

Каменное помещение. Узкое. Замкнутое. Стены — грубо отёсанные блоки серого гранита, холодные даже на вид. Камень не украшали ни символы, ни барельефы, одна голая, равнодушная поверхность. Здесь не было ничего лишнего. Ничего человеческого.

Потолок низкий, сводчатый. Из-под него исходил тусклый, рассеянный свет — не факелы и не лампы. Холодное сияние, встроенное прямо в кладку, сам камень впитывал его и медленно отдавал обратно.

В одном из углов находилась простая каменная ниша, отделённая низкой перегородкой. Внутри — металлическая чаша, вмонтированная в пол, и узкая труба, уходящая в стену. Ничего больше. Грубая, холодная уборная, устроенная так же бездушно и просто, как и всё в этом месте.

Воздух казался тяжёлым и неподвижным, без запаха. Ни окон. Ни трещин. Ни малейшего намёка на внешний мир. Массивная металлическая дверь в дальней стене, с узкой полосой тёмного стекла на уровне глаз. Стекло не отражало. Оно поглощало.

Кровать узкая, жёсткая, прикреплённая к полу. Рядом металлический столик с медицинскими приборами. Капельница. Несколько аккуратно сложенных инструментов. Всё стерильно. Всё под контролем.

Камера не выглядела тюремной. Она выглядела рассчитанной. Каждый сантиметр здесь напоминал: ты находишься под наблюдением. Даже если никого не видно. Камень удерживал звук. Глушил дыхание. Съедал эхо. И от этого становилось ещё холоднее.

Я почувствовала, как затекла спина. Сначала это ощущалось тупым, глухим нытьём, но теперь боль стала явной, острой, от жёсткости кровати и долгого неподвижного лежания. Тело отказывалось вспоминать, как двигаться.

Я опустила взгляд. На мне была белая больничная ночная рубашка, тонкая, влажная, прилипшая к коже. Чужая. Безликая. От неё пахло лекарствами и холодом.

Я растерянно подняла руку и приложила ладонь к груди. Подвески, которую подарил мне Кольт, на шее не было. Я осторожно провела пальцами по коже, надеясь нащупать тонкую цепочку, но там оказалось пусто.

— Мои вещи... — голос прозвучал тихо и сбивчиво.

— Здесь всё забирают, Виолетта, — ответила Александра на вопрос, который я ещё даже не успела задать. — Ничего нельзя оставить.

Я медленно опустила руку. В груди поднялась тяжёлая горечь. Единственное, что напоминало мне о Кольте, единственная вещь, которая оставалась со мной всё это время, у меня тоже отняли.

Мы не успели продолжить разговор. Послышался звук шагов. Спокойных. Уверенных. Дверь открылась. В комнату вошёл Андреас Маврос. Увидев меня в сознании, он буквально просиял. Улыбка растянула его лицо, слишком широкая, слишком довольная.

— А вы сделали своё дело гораздо быстрее, чем я ожидал, — воскликнул он с нарочитой радостью. — Вот как казнь стимулирует к содействию.

При звуке его голоса меня затошнило. Омерзение накрыло волной. Горло сжалось. Я не хотела видеть ни его, ни его улыбку, гладкую, пропитанную лицемерием. Здесь он вёл себя иначе. Уже не так сдержанно, как в школе. Больше не держался в стороне, в его манере чувствовалась власть.

— Ей нужно прийти в себя и набраться сил, — твёрдо сказала Александра, ещё крепче сжав мою руку, не собиралась отпускать. — Ей нужен покой.

— Дальше мы сами решим, что нужно Виолетте, — процедил он, даже не удостоив её взглядом. — Потому что важнее всего то, что нужно Совету.

Он шагнул ближе, и холод его присутствия стал ощутимым.

— А теперь вы покинете эту камеру. Вас проводят в вашу.

— Нет... прошу вас, — выдохнула Александра.

Но он уже не слушал. Дверь вновь распахнулась. Вошли двое стражей, безмолвные, бесстрастные. Они взяли Александру под руки. Она не сопротивлялась, знала, что это бесполезно.

Я хотела подняться. Хотела что-то сказать. Хотела остановить их. Но тело не подчинилось. Я могла лишь смотреть, как её уводят. Любое лишнее движение требовало усилия, которого у меня не было. Каждое напряжение отзывалось слабостью. Казалось, если я попытаюсь встать, сделать шаг, закричать, я снова рухну в ту бездну, из которой с таким трудом выбралась. И я осталась лежать. Беспомощная.

Дверь захлопнулась слишком громко. Звук отразился от каменных стен и расколол тишину. И вместе с этим звуком исчезло единственное тёплое и родное, что ещё было рядом со мной.

Александра.

Теперь я осталась наедине с Мавросом. Он смотрел на меня с нескрываемым интересом. Не как на ученицу. Как на результат.

— Вам будет дано время, Виолетта, — произнёс он с тем холодным спокойствием, которое звучит хуже угрозы, — прийти в себя.

Маврос сделал несколько медленных шагов по камере, осматривая помещение. Каблуки глухо отзывались по каменному полу.

— А затем Совет желает побеседовать с вами.

Он остановился. И в этой паузе было больше смысла, чем в самих словах. Я не хотела даже представлять, что скрывается за этим «побеседовать». В этом месте беседы не были просто разговорами.

— Господин Маврос, — обратилась я к нему, когда он уже направился к выходу. — Когда меня привезли сюда, на мне была подвеска... Я бы хотела получить её обратно.

Он остановился и посмотрел на меня с любопытством. Улыбка на его лице слегка изменилась. Эта просьба неожиданно его заинтересовала.

— У вас больше нет личных вещей, Виолетта, — холодно ответил он мягким, почти спокойным тоном. — По крайней мере до тех пор, пока вы находитесь в стенах Совета.

На этом он закончил разговор и покинул камеру. Я осталась одна, с сожалением глядя ему вслед, пытаясь осознать и принять то, чем теперь стала моя новая реальность.

Глава шестая

Прошла уже неделя с того момента, как я вернулась в собственное сознание. За это время я заметно окрепла. Тело постепенно вспоминало движение, силу, устойчивость. Я понимала, это в моих интересах. Оставаться беспомощной и ослабленной здесь было бы безрассудством.

За мной ухаживали тщательно. Кормили регулярно и обильно. Продолжали ставить капельницы, делали уколы, какие именно, мне не объясняли. Но после них становилось легче. Яснее. Сильнее.

Слишком хорошо.

Я по-прежнему оставалась в той же камере. Каменные стены, низкий свод, глухая дверь, всё это начинало давить иначе. Не страхом. Медленной, вязкой тишиной. Замкнутое пространство постепенно стирает границы времени. Дни теряют очертания. Мысли начинают звучать громче, чем нужно. Иногда мне казалось, что я начинаю сходить с ума, не от страха, а от бесконечного одиночества. От тишины, в которой невозможно спрятаться даже от себя.

Я всё чаще уходила в воспоминания. Старалась выбирать те, что не разрывали изнутри. Те, где было тепло. Где была жизнь.

Когда силы начали возвращаться, я стала осторожно тренироваться. Сначала почти незаметно, сжимала кулаки, напрягала мышцы, удерживала равновесие. Затем больше. Медленно, методично.

Тело должно было вспомнить, кем оно было.

Меча у меня не было, но я тренировала движения в воздухе, будто он всё ещё в руке. Каждый выпад, каждый поворот против невидимого противника. Так время шло быстрее.

С Александрой я больше не виделась. Я просила Мавроса о встрече каждый раз. И каждый раз получала вежливый отказ. Зато он приходил ежедневно. Проверял, как я себя чувствую. Наблюдал. Слишком внимательно.

Из одежды мне выдали такой же серый костюм из грубой ткани, как у Александры. Материал колелся, натирал кожу, вызывал раздражение. Такой же безликий, как сама камера. Ничего личного. Ничего живого.

Я лежала всё в той же глухой камере. Камень вокруг оставался неподвижным, тяжёлым, равнодушным. Иногда мне казалось, что я начинаю слышать, как в его толще движется холод, почти неуловимый, шуршащий. Сама тьма медленно перетекала из стены в стену. Этот звук давно стал привычным фоном. Постоянным. Почти успокаивающим.

Но мысли нет. Они не подчинялись тишине. Не замирали. Не растворялись в камне. Они звучали громче любого эха. И больше всего меня тревожило, что стало с Деймоном. О нём я не слышала ни слова. Ни намёка. Ни случайной оговорки. Я не видела его. Не чувствовала его присутствия поблизости. Не знала, жив ли он вообще.

Когда я спросила об этом Мавроса, он даже не счёл нужным ответить. Посмотрел на меня так, словно вопрос задала не я, а предмет мебели. Здесь я была не личностью, а объектом наблюдения. Экспериментом, который не имеет права требовать объяснений. Это было унижительно. И страшно.

Меня всё чаще охватывала тревога от мысли, что Совет действительно может казнить и Александру, и Деймона. Что их судьба уже решена, и просто ждёт часа исполнения. А я... лежу здесь. Восстанавливаюсь. Пью их препараты. Набираюсь сил. Пока они, возможно, считают дни.

Попытка выбраться отсюда казалась безумием. Почти фантазией. В одиночку, тем более. Я знала, что за дверью круглосуточно стоят двое стражей. Они менялись по графику, карауля каждый шорох. Дверь запиралась на несколько замков, я слышала каждый щелчок. И открывал её всегда только Маврос. Это означало одно, я полностью в его распоряжении.

Послышался шум. Я резко села. Теперь голова уже не кружилась от резких движений, тело стало сильнее, устойчивее. Я всё время была настороже. Каждый звук здесь мог означать перемену.

Раздались щелчки. Металл скользнул о металл. Дверь распахнулась. На пороге стоял Маврос. Он выглядел безупречно. Собранно. Спокойно. В руках он держал белый платок. И этого оказалось достаточно. Всё внутри сжалось. Этот платок вернул меня к тому дню. К тому моменту, когда всё пошло не так. Когда я потеряла контроль.

Я перевела взгляд с его рук на лицо. В его выражении скользило удовлетворение.

— Ну что, Виолетта, — произнёс он с заметным оттенком довольства. — Вот и настал этот день. Совет готов тебя принять.

За его спиной в камеру вошли шестеро стражей.

Шестеро.

Я невольно задержала дыхание. Неужели они настолько боятся меня? Или настолько не доверяют? Думают, что я воспользуюсь силой и попытаюсь сбежать?

— Надеть наручники, — уже без улыбки приказал Маврос.

Я поднялась. Один из стражей шагнул вперёд. Он не смотрел мне в глаза. Лицо оставалось пустым. Отстранённым. Он выполнял приказ, не больше. Обошёл меня сзади. Холодный металл коснулся моих запястий. Жёстко. Без предупреждения.

Раздался тихий щелчок. Но внутри что-то обрушилось. На мгновение мир замедлился. Я смотрела перед собой и не до конца понимала, что происходит. Паника поднималась медленно, вязко, но неотвратно.

Меня вели на допрос Совета.

На тот самый суд Совета, которым пугали с первого дня обучения. О котором говорили шёпотом. Которое означало, что ты больше не принадлежишь себе. Ноги стали ватными. Колени подогнулись. Маврос это заметил. Его взгляд стал напряжённым, он знал, к чему приводят мои всплески эмоций. Он уже видел, чем заканчивается моя потеря контроля.

— Ведите её, — резко приказал он.

Двое стражей тут же подхватили меня под локти. Не поддержали, удержали. Их пальцы сжались крепко, без намёка на мягкость. Меня повели вслед за Мавросом, который уже вышел из камеры, не оглядываясь. Я едва успевала переставлять ноги. Камера осталась позади. И вместе с ней, последняя иллюзия безопасности.

Меня вывели в коридор. Он казался тёмным, не просто плохо освещённым, а погружённым в плотную, вязкую полутьму. Несколько факелов, закреплённых в металлических держателях, давали неровное освещение. Их огонь дрожал, отбрасывая длинные, искажённые тени на стены.

Стражи двигались быстро, рывком, не давая мне возможности задержать взгляд. Их пальцы сжимали мои локти крепче, чем требовалось. И всё же я успела увидеть. По обе стороны коридора тянулись одинаковые двери. Тяжёлые. Металлические. С узкими тёмными прорезями вместо окон. Такие же, как та, из которой вывели меня. Сердце болезненно сжалось. Возможно, за одной из них находился Деймон. Или Александра. Совсем рядом. Но недостижимо.

Коридоры подземного уровня Совета были узкими и низкими. Казалось, потолок давил сверху, не позволяя выпрямиться до конца. Камень здесь отличался от того, что в камере: темнее, плотнее, почти чёрный. Он выглядел влажным, впитывая в себя не только свет, но и звук. Шаги глушились, но не исчезали полностью. Каждый удар подошвы о пол отдавался глухим, сдержанным эхом. Звук металлических наручников отзывался тихим, неприятным звоном при каждом движении рук. Этот звон был слишком отчётливым. Слишком личным.

Воздух тянул холодом и сухостью. Пахло камнем, металлом и чем-то застоявшимся. Тени от факелов вытягивались, ломались, сливались со стенами. Иногда они опережали нас.

Стражи не говорили ни слова. Их молчание — часть процедуры. Мы поднимались всё выше, шаг за шагом, и с каждым поворотом коридора становилось яснее, меня ведут не просто в другое помещение. Меня ведут наверх. Их шаги были синхронными. Чёткими. Отмеренными. Они двигались, сопровождая не пленницу, а процесс.

Мы подошли к широкой лестнице. Ступени поднимались вверх резким, почти крутым подъёмом. Свет менялся по мере того, как мы поднимались. Сначала тусклый, затем более холодный и яркий. С каждым шагом пространство становилось шире.

Я слышала собственное дыхание. Слышала, как в груди бьётся сердце. Слишком громко. Наручники тянули руки назад, напоминая о моём положении.

Когда мы достигли верхней площадки, перед нами распахнулись массивные двери. И я увидела огромный зал. Мраморный, высокий, уходящий сводами в темноту. Белый пол блестел, отражая свет люстр, холодных, почти серебряных. Стены поднимались на несколько уровней вверх, и по кругу, вдоль всего зала, шёл широкий балкон. Именно там они сидели.

Члены Совета.

Их было семеро. Семь тёмных фигур, неподвижных, высеченных из самой тени. Они располагались по кругу на высоком балконе, равномерно, без малейшего смещения. Сама архитектура зала подчинялась их числу.

Семь. Ни больше, ни меньше. Идеальный замкнутый круг.

Их мантии были чёрными, тяжёлыми, без единого знака отличия. Глубокие капюшоны скрывали лица полностью, свет не достигал черт. Под тканью угадывались лишь силуэты. Никаких выражений. Никаких эмоций. Только присутствие.

Каждый из них сидел в высоком кресле с прямой спинкой, выполненном из белого мрамора, который резко контрастировал с чёрной тканью их одежд. Белое и чёрное. Свет и тень. Баланс.

Семь судей. Семь голосов. Семь решений. И ни одного лица.

Я внизу. На холодном мраморе, который казался ещё холоднее под их взглядами. Ни один не двигался. Ни складка ткани. Ни поворот головы. Но я чувствовала их внимание. Не как взгляд, а как давление. Как невидимую тяжесть, опускающуюся сверху.

Внизу, в центре зала, был пустой круг, идеально вычищенный участок мрамора. Ни мебели. Ни возвышения. Место для обвиняемого. Меня остановили именно там. Стражи окружили меня плотным кольцом. Их чёрная форма лишена украшений. Никаких орнаментов, никакой роскоши, только строгий покрой и тяжёлая ткань, поглощающая свет. На груди каждого символ ордена Совета. Сдержанный. Без излишней вычурности. Лица закрыты полумасками. Ни эмоций. Ни взглядов. Только функция.

Я тут же взяла под контроль свои мысли, захлопывая внутренние двери одну за другой. Нельзя было позволить ничему просочиться наружу: ни страху, ни злости, ни осознанию собственной уязвимости. В этом зале слишком многое происходило без слов. Я не знала наверняка, есть ли среди них тот, кто способен читать мысли. Но логика подсказывала: если они собирают информацию так тщательно, если фиксируют малейшие реакции, значит, будут проверять меня не только вопросами.

Возможно, кто-то уже касался моего сознания, осторожно, почти незаметно, в тот самый момент, когда я переступила порог этого зала. Я выровняла дыхание. Замедлила пульс. Представила внутри глухую стену, плотную, тёмную, непроницаемую. Пусть видят спокойствие. Пусть слышат только то, что я разрешу услышать.

Маврос шагнул вперёд. Его голос разнёсся по залу гулким эхом:

— Виолетта приведена.

Эхо повторило последние слова, и тишина стала ещё плотнее. В следующую секунду стражи резко толкнули меня вперёд. Я не удержала равновесие. Колени ударились о холодный мрамор. Резкая боль вспыхнула мгновенно. Наручники впились в запястья. Звук удара отдался

в огромном пространстве слишком громко. Я осталась на коленях. В центре зала. Под ними. Под их кругом. Под их тенью. С балкона не донеслось ни звука. Ни шёпота. Ни движения ткани. Только ощущение взгляда. И в этом безмолвии было больше угрозы, чем в любом крике.

Я подняла голову. Капюшоны оставались неподвижными. Лица скрыты. Судьи без лиц. Власть без выражения. Я стояла на коленях не просто перед старшинами. Перед системой. И в этом зале я была не воином. Не дампиром. Я была объектом решения.

Маврос не стал задерживаться рядом надолго. Он сделал несколько шагов в сторону и скрылся за плотным кольцом стражей. Его присутствие здесь уже не требовалось. Свою роль он выполнил.

Я стояла в центре. Стражей вокруг оставалось слишком много, больше, чем требовалось для одной ослабленной пленницы. Они выстроились полукругом, плотным, почти стеной. Не меньше десятка. словно я была не девушкой, не дампиром, а самым опасным нарушителем порядка, которого когда-либо приводили в этот зал. Они нависали надо мной, вытянув клинки.

Мечи обнажены, металл холодно блестел. Лезвия длинные, идеально отточенные. Но взгляд приковывали рукояти. В каждой вмонтированный красный камень. Глубокий, тёмный, как застывшая кровь. Он не просто отражал свет, он мерцал, едва заметно, живо. Как будто реагировал. Я знала, что это значит. Если я попытаюсь воспользоваться даром, они не будут медлить. Их пальцы лежали на гардах уверенно. Не напряжённо. Они не выглядели нервными. Стражи были готовы. Готовы убить.

Я стояла на коленях в центре мраморного круга. Под семью капюшонами. В окружении стали и красного света. И впервые по-настоящему почувствовала, насколько Совет боится не меня, а того, что во мне.

В зале повисла тишина. Не обычная, выжидающая, плотная. Воздух стал гуще и тяжелее. Та тишина, в которой любое движение звучит громче слова, а пауза весит больше приговора.

Один из семерых слегка подался вперёд. Движение было едва заметным, но в этом едва уловимом наклоне чувствовалась привычка к власти, спокойной, не требующей доказательств. Капюшон по-прежнему скрывал лицо, тень полностью поглощала его черты, но сама перемена в неподвижности круга казалась сигналом. И голос раздался сверху. Он не принадлежал кому-то одному, по крайней мере, звучал так. Он рождался из самого пространства, отражался от мрамора и возвращался ко мне гулким, многослойным эхом. Но сквозь этот гул я уловила тембр, низкий, сухой, лишённый тепла.

— Виолетта.

Имя прозвучало без эмоции. Без оттенков. Без человеческого участия. Как обозначение. Я подняла голову.

— Ты понимаешь, где находишься?

— В Совете, — ответила я, стараясь удержать голос ровным.

Но это оказалось сложнее, чем я ожидала. Дрожь всё же прорвалась, короткая, предательская вибрация на последнем слове. Почти незаметная для обычного слуха. Но здесь не было обычных слушателей. И я знала: они услышали.

На мгновение возникла пауза. Я ощущала, как на меня смотрят. Не как на существо со своей волей. Как на материал. Как на источник нестабильной силы, который необходимо изучить, измерить и при необходимости устранить.

— Мы наблюдали за тобой.

Сердце сжалось так резко, что на секунду перехватило дыхание.

Наблюдали.

Значит, всё. Каждая вспышка. Каждая потеря контроля. Каждая ошибка. Всё зафиксировано.

Я почувствовала, как тревога медленно поднимается внутри, как холод разливается по рёбрам. Несмотря на все усилия держать голос ровным, в груди нарастало напряжение. Обста-

новка давила: мрамор, высота, балкон, семь силуэтов над головой. Я стояла ниже их не только физически.

— Нас интересует твоя природа, — продолжил другой мужской голос.

Этот отличался. Глубже. Медленнее. С лёгкой, почти ленивой протяжностью. В нём слышалась уверенность того, кто привык задавать вопросы, на которые всегда получают ответы.

— Тот феномен, который проявился в тебе.

Слово резануло.

Не дар. Феномен.

Чужеродное. Аномалия. То, что не должно существовать, по их законам, по их логике, по их порядку. Не часть меня. Не право. Не судьба.

Я медленно втянула воздух. И только сейчас по-настоящему поняла: даже если бы я рассказала о своём даре раньше. Сама. Добровольно. Без принуждения. Это всё равно привело бы меня сюда. Исход был предрешён. Я просто шла к нему разными дорогами.

— Когда это началось?

Я слотнула. Горло пересохло. Прочистила его, чтобы в этот раз голос не сорвался.

— Несколько лет назад.

— Конкретнее, — повторил тот же голос.

Спокойно. Без нажима. Он ждал точности.

Им не были интересны мои ощущения. Не важны страх, боль, дрожь в пальцах. Им нужны были цифры. Даты. Параметры. Они разбирали меня по частям, аккуратно, методично, как редкую находку на столе анатома. Не чтобы понять, кто я, а чтобы определить, что во мне полезного. Чтобы выяснить, что я такое. И главное, как меня использовать.

— Сложно сказать... — я запнулась, пытаюсь вспомнить.

Мне казалось, что тьма всегда была со мной. Всегда отзывалась. Всегда жила где-то под кожей, тихо и терпеливо. Но если я скажу это, у Александры не останется ни единого шанса.

— Около трёх лет назад, — произнесла я наконец, концентрируясь на самых ярких всплесках. На тех, которые можно объяснить.

— Что стало триггером? — равнодушно продолжил он.

Я замерла. Перед глазами вспыхнули образы.

Крик. Кровь. Угроза.

— Эмоции.

— Какие именно?

Вопрос прозвучал мгновенно, без паузы, без колебаний. Он не позволял мне укрыться за расплывчатыми формулировками, не оставлял пространства для манёвра. Я опустила взгляд всего на мгновение, этого хватило, чтобы собрать мысли и скрыть первую реакцию. Затем снова подняла глаза.

— В большей степени страх. Опасность. Паника.

Слова прозвучали ровно, но внутри они отдавались глухими ударами.

С балкона донеслось почти неуловимое движение ткани, шелест, слишком тихий для случайности. Мне показалось... или они действительно что-то фиксировали? Не переглядывались. Не шептались. Просто отмечали. Каждое моё слово уже заносилось в невидимый протокол.

— То есть феномен связан с эмоциональной нестабильностью?

— С сильными переживаниями, — поправила я, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало раздражение.

— Ты можешь вызвать его намеренно?

Пальцы под наручниками непроизвольно напряглись. Металл впился в кожу.

— Иногда.

Тишина в зале стала почти осязаемой. Казалось, никто не двигается. Даже стражи вокруг меня застыли, превратившись в часть архитектуры.

— Что требуется для активации?

— Концентрация. И... — я замялась, — внутренний импульс.

Я, конечно, не стала упоминать вампира. Ни слова о связи. Ни намёка на то, что тьма откликается иначе, когда рядом тот, кто способен её удержать. Это означало бы конец. Или нечто хуже — опыты. Я даже не позволила этой мысли оформиться до конца. Не дала ей обрести чёткие очертания. Оборвала на полпути, растворила, как если бы её и не было. В этом зале опасны были не только слова. Опасны были намерения. Я уже не сомневалась: если им понадобится, они будут ставить эксперименты без колебаний. Поэтому я проглотила правду. Судьбу лучше не испытывать.

— Опиши эффект.

Голос не ускорился. Не повысился. Не стал резче. Он остался ровным, и от этого казался ещё более холодным. Они допрашивали не как судьи. Как учёные. Как те, кто вскрывает структуру явления. Я вдохнула, чувствуя, как мрамор под коленями вытягивает из меня тепло.

— Пространство реагирует... — сказала я осторожно, стараясь подбирать слова так, чтобы не выдать лишнего. — Может меняться температура. Воздух становится плотнее. Давление ощущается физически.

Я замолчала на долю секунды.

— И я могу... терять контроль. Когда уже не я управляю даром, а он мной.

Эта фраза прозвучала тише. Почти признанием.

— Ты воздействуешь на физическую материю или на сознание? — спросил один из капюшонов, который до этого молчал. Этот голос звучал резче. С чёткими окончаниями. В нём чувствовалась нетерпеливость.

— На обоих уровнях.

Я произнесла это спокойно, но внутри всё сжалось.

Сказала слишком много? Или недостаточно?

Тишина стала гуще.

— Радиус воздействия?

Вопрос прозвучал почти буднично. Сухо. У меня внезапно пересохло во рту. Мрамор под коленями казался всё холоднее. Тело уже не чувствовало позы, только давление. Колени ныли. Спина затекла. Каждая минута в этом положении не просто утомляла, она вбивала в меня ощущение подчинённости. Намеренно. Продуманно.

Как я должна отвечать на это?

Я никогда не измеряла радиус. Никогда не проверяла предел. В моменты вспышек я вообще не осознавала масштаб. Это не было контролируемым действием. Это было... прорывом. Срывом. Инстинктом. Их интересовали границы. А я сама их не знала.

— Зависит от силы всплеска, — осторожно произнесла я.

Это был единственный честный ответ, который я могла дать.

На тренировках с Кольтом тьма слушалась. Подчинялась. Но мы не проверяли пределы, ограничиваясь контролем.

— Максимальный, — уточнил тот же голос. Уже жёстче. Он не позволял уходить от точности.

— Несколько десятков метров.

На балконе один из членов Совета наклонил голову. Я уловила это движение, медленное, выверенное. Этот жест был не сомнением. Оценкой.

— Ты способна удерживать феномен в стабильном состоянии?

Вопрос прозвучал так же ровно, как и предыдущие. Тон остался безупречно нейтральным, почти бесстрастным.

— Я... учусь.

Слова сорвались слишком тихо. Слишком неопределённо. Я сама слышала в них слабость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.